

Медіа

Навстречу переменам

Катерина Цвик

Лейла

Катерина Цвик

Лейла. Навстречу переменам

«Автор»

2021

Цвик К.

Лейла. Навстречу переменам / К. Цвик — «Автор»,
2021 — (Лейла)

Вот и остался родной город за горизонтом, а корабль надувает паруса и несет Лейлу навстречу новым приключениям и свершениям. Впереди ее ждет учеба в университетской школе, и не беда, что для этого ей придется выдавать себя за мальчика. Разве подобные мелочи могут остановить такую целеустремленную натуру, как Лейла? К тому же, ей предстоит разгадать загадки прошлого и не только своего...

© Цвик К., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Катерина Цвик

Лейла. Навстречу переменам

Это вторая часть диалогия Лейла.

1-я часть находится здесь:

<https://www.litres.ru/book/katerina-cvik/leyla-shans-za-shans-67590552/>

Глава

1

Я шла по коридору одной из башен замка, в котором располагалось наше учебное заведение, и внутренне кипела, трогая образовавшийся под глазом синяк. При каждом прикосновении кончиков пальцев к гематоме непроизвольно шипела и морщилась. Нет, ну что за беспредел в самом-то деле?! Я, взрослая девушка, получила в глаз от какого-то молокососа, которому от роду всего десять! И плевать, что взрослой я была в другом мире!

Хотя здесь ему в пересчете на земные годы все же побольше будет. Здешний месяц длится на пять дней дольше, чем земной, хотя в сутках, как и на Земле двадцать четыре часа, а в году двенадцать месяцев, вот и получается, что в год набегает дополнительные два месяца, а за десять лет – полтора года. Но да ведь не в этом суть! Суть в том, что сейчас я щеголяла красочным синяком на физиономии!

Вспомнив, как у меня сыпались искры из глаз, я снова поморщилась. Хотя сама хороша. Вот зачем нужно было его задирать? Ну и что что этот высокомерный гаденыш считает, будто все вокруг – пыль под его ногами?! Жизнь сама научит его прописным истинам... если посчитает нужным, конечно. Так отчего же я взяла эту функцию на себя?

Но как я засветила ему в ответ! Любо-дорого посмотреть! Небось сейчас тоже мучается со своим фингалом! И мне не стыдно, что я ударила малолетку! Потому что я и сама здесь всего лишь десятилетний мальчишка, как и мой обидчик.

Вообще я девочка, просто притворяюсь мальчиком, так как хочу получить образование, которое девочке в этом мире не светит от слова «совсем». Но и это не главная причина моего маскарада. Дело в том, что я обладаю Даром. Именно так, с большой буквы. И обращаться с этим Даром можно научиться только здесь – в Тализийской университетской школе, а затем и в этом университете. К людям с Даром в этом мире относятся очень по-разному, но чаще с ненавистью и недоверием, а уж что здесь повсеместно творят с одаренными девочками – говорить не хочется.

Я грустно вздохнула. Нет, сейчас об этом думать не буду, а то окончательно испорчу себе настроение. Невольно я замедлила шаг и остановилась напротив окна, из которого открывался шикарнейший вид на окрестности. Замок университетской школы когда-то был стратегически важным укрепленным пунктом, и находится он на возвышенности, с высоты которой замечательно просматривалось все до горизонта. Зрелище живописное, и, несмотря на то, что я здесь уже около месяца, взгляд не замыливался, и я каждый раз с замиранием сердца озирала окружающие красоты. Однако сейчас я смотрела дальше, почти на самый горизонт, где виднелось море, через которое мы и приплыли в Тализию.

Первые дни путешествия были полны предвкушения и надежд, но очень быстро бескрайняя морская синь и затянувшийся штиль сбили этот настрой, и мы начали откровенно скучать.

Профессор возобновил уроки, но настроение не способствовало усвоению знаний, мы с моим другом и почти братом Ромичем улетали мыслями куда-то не туда, отчего старик, который за более чем три года пребывания в нашем доме стал для нас кем-то вроде дедушки, злился и грозился выбросить таких бездарей за борт на корм акулам. Конечно, ему никто не верил, но

мы усердно делали вид, что пугаемся и честно пытались сосредоточиться. Хватало нас ненадолго, и под конец таких занятий профессор, не переставая ругать нас на чем свет стоит, удалялся в каюту корпеть над какими-то чертежами и расчетами.

Мой отец – хозяин судна – наблюдая за нами, лишь посмеивался, но уже на третьи сутки пути из пассажиров посвятил нас в юнги, дабы занять наше слишком свободное время. Вот от этого занятия мы с Ромичем и не думали отлынивать! И, несмотря на разницу в возрасте в пять лет, нам обоим было одинаково интересно буквально все: и как называются мачты и канаты, и как расшифровываются морские термины, и даже необходимость драить палубу не казалась чем-то неприятным, скорее, обыденным, а иногда даже веселым.

К слову, до того как отец определил нас в юнги, никто из команды не торопился раскрывать морские премудрости двум оболтусам. Матросы с удовольствием травили байки, периодически спотыкаясь, так как отец строго-настрого запретил употреблять при нас крепкие выражения, но вот что-то объяснять малолетним пассажирам почему-то не желали.

Поначалу было интересно, за кого меня примут на борту, и я не удивилась, когда узнала массу самых невероятных предположений. Но девочку во мне не распознал никто. И для себя я объясняла это тем, что никто не мог даже предположить, что девочка зачем-то будет выдавать себя за мальчика. Тем более что образ чернобрового большеносого пацана, который удерживался на мне с помощью подаренного другом амулета, я не сменила, решив не расставаться с ним до самого прибытия в порт Тализии – Новерлин. Но вот изредка бросаемое матросами что-то вроде «ну что ты как баба!» по первости заставляло сердце биться с утроенной силой, а ноги непроизвольно подкашиваться, но потом ничего, привыкла, и даже сама стала посмеиваться.

Плюс ко всему все время плавания я старалась перенять от Ромича мальчишеские повадки. Брать пример с матросов, для которых вполне были уместны почесывания в самых разных местах, сплевывания и шмыгания носом, я, в силу того что по легенде была дворянином, не могла. Вот Ромич и отдувался за всех.

– Эй, юнга, хватит мечтать! – обрывал меня чей-нибудь окрик, когда я задумывалась. – Бегом на камбуз! А то ишь, прохлаждается тут, выкормыш шикана!¹

И я бежала на камбуз помогать чистить и резать овощи. После того как нас определили в юнги, отношение команды к нам изменилось, ведь теперь мы были не пассажиры, и потому шпыняли нас не стесняясь. Отец никак нас с Ромичем не выделял и не вмешивался в процесс обучения за исключением матерщины, хотя это не мешало матросам выражаться, когда его не было рядом. Благодаря этому мой словарный запас знатно обогатился. В своей прошлой жизни я бы, наверное, не смогла завернуть такой словесный пируэт, как научилась за время плавания в этой. Хотя этим совершенно не гордилась – в жизни мальчика, может, когда и пригодится, но делать из матерщины фетиш или уподобляться матросам в повседневной жизни глупо и недостойно девушки, в каком бы мире и облиции она не жила.

А еще я научилась насвистывать мелодии. Поначалу эта забава меня не прельстила, я бы предпочла свисту пение. Да и земной предрассудок – не свисти, а то денег не будет – которого здесь, кстати, не было, тоже играл свою роль. Однако петь я не решалась, и не из-за плохого голоса или слуха – с этим, слава Всевышнему, все было неплохо, а потому что заметила, что матросы не поют те песни, которые я успела здесь выучить, ведь все они женские. Мужские же походили на занудные речитативы, которые на корабле пели, выполняя долгую односложную работу. Те же, что чаще пели матросы, были настолько похабными, что отец выпорол бы меня хорошенько, если бы услышал, как я их напеваю. Хотя это и не помешало мне выучить все до одной. Ну разве можно не запомнить эти пристающие мотивчики, которые матросы напевают себе под нос при всяком удобном случае? Разумеется, это не означало, что я собиралась их

---

¹ Шиканы – маленькие юркие хитрые зверьки, похожие на сурикатов и частенько ворующие у людей орехи и ягоды.

петь, но как ни крути, а подобные песни – это часть этноса. Так, по крайней мере, я успокаивала свою протестующую натуру почти педагога.

Ромич впитывал морскую романтику с не меньшим энтузиазмом.

Однажды, начищая камбузный колокол, я насвистывала незатейливый мотивчик земной песни «Don't worry be happy» Боба Марли. Очень уж атмосфера способствовала: тишина, закат, мерный плеск волн за бортом... Внезапно я услышала неожиданный оклик Рената – корабельного кока.

– Эй, малец, ты чего там насвистываешь?

– Эээ... – Я не сразу сообразила, что ответить. – В голову пришло, вот и насвистываю под настроение.

Кок на это хмыкнул:

– А еще раз можешь?

– Могу.

Повесив колокол на его законное место, я снова начала насвистывать мелодию. В глазах еще довольно молодого кока появились озорные искорки, и я решила разнообразить выступление и запела, стараясь перевести на эльмирантийский незамысловатые слова, перевод на русский язык которых мы когда-то всей группой заучивали, чтобы поздравить куратора курса с днем рождения. Все-таки иногда ей нужно было очень много терпения, чтобы совладать с целой оравой девчонок, ряды которых разбавляли лишь три парня. Я поймала кураж и начала приплясывать, помогая себе руками и приставляя шаг:

Сложил я песню для тебя,

Пропой ее от «а» до «я»,

Расслабься, будь весел.

Печаль плохой рецепт от бед,

Не смей грустить себе во вред,

Расслабься, будь весел...

По глазам и улыбке мужчины было видно, что я нашла благодарного слушателя, ведь в море с развлечениями туго, а тут я со своим «Расслабься! Будь весел!».

– Еще! – раздавшийся за спиной крик заставил вздрогнуть от неожиданности.

Обернувшись, я увидела, что на палубе собрались практически все матросы. Чуть в стороне стояли отец, сдерживавший улыбку, профессор и Ромич, которые улыбки сдерживать и не думали. Поначалу я оробела. Но маска мальчишки, которая сейчас была на мне, давала иллюзию безопасности – если и будут смеяться, то над тем мальчиком, которого видят, а не надо мной. Поэтому я разошлась и выдала целый танец с притопываниями и прихлопываниями – как смогла.

В этот вечер на корабле не осталось ни одного человека, который бы не выучил незамысловатую песню и танец. А Леем с тех пор меня не называл уже никто, прозвище «маленький бард» или просто «бард» приклеилось до конца плавания намертво.

А на следующее утро мы увидели на горизонте корабль.

До Тализии оставалось дня три пути, и подобную встречу вряд ли можно было назвать редкостью, однако команда корабля насторожилась. Мы с Ромичем отнеслись к судну, которое шло нам навстречу на большой скорости, без опасений, однако видя, как по мере его приближения забегала по палубе команда, поняли, что чего-то не понимаем.

– Спрячьтесь в каюте, сейчас будет жарко! – крикнул нам матрос. – Пираты! – разумеется, все это он сопровождал отменной бранью, но суть донес точно.

Мы с Ромичем переглянулись и побежали на капитанский мостик, где с подозрительной трубой стоял мой отец в компании своего бессменного боцмана Сакола.

– Ратмир-аха, это правда пираты?! – выпалили мы с Ромичем.

Отец поморщился от нашего взволнованного хора, но ответил за него боцман:

– А вы почему сюда прискакали? А ну брысь в каюту к профессору! И чтоб я вас на палубе не видел до тех пор, пока сам искать не стану! Все понятно?! – насупив брови и сверкнув глазами, приказал он.

Спорить мы даже не пытались, зная крутой нрав боцмана. А потому я шустро поспешила за Ромичем в каюту, бросив тревожный взгляд на отца. Вслед нам послышался его голос:

– Ромич, ты в ответе за Лея. Не высовывайтесь!

Таким... немного чужим, непохожим на того, каким я его привыкла видеть, я видела отца впервые. А потому, вбежав в каюту, была взволнована как никогда:

– Профессор, там пираты!

Наш обеспокоенный возглас не отвлек профа от карты, над которой он корпел. Более того, повел он себя совершенно не так, как я могла бы предположить:

– Да? Это интересно... Надо будет посмотреть...

– Профессор! – возмутилась я. – Там – пираты! Нас всех могут убить, а корабль захватить!

– На все воля Всевышнего... – ответил на это проф и провел ладонями по лицу, соединяя их под подбородком². – Но я все же надеюсь, что Ратмир-аха со своей командой с ними справится.

– Но как?! – в панике кричала я.

Профессор, наконец, отложил карту и, тяжело вздохнув, посмотрел на нас:

– Лейла, вот скажи, чем ты можешь помочь в данной ситуации? – Я заметалась по маленькой каюте, понимая, что я-то как раз ничем помочь и не могла. – Вот! – заметил на это проф. – И я о том же.

– А я?! – возмутился Ромич. – Почему меня отправили в каюту, когда я мог бы помочь?! Я уже взрослый мужчина!

– Конечно, взрослый, – не стал спорить профессор. – Только скажи мне, как хорошо ты умеешь обращаться с оружием? Может, тебя кто-то учил обращаться с саблей или копьем? А может, ты владеешь каким-то другим оружием, о котором я не знаю?..

Профессор бил по самому больному месту парня. Дело в том, что всем мальчикам, достигшим двенадцати лет – возраста первого взросления, как считается в Эльмирантии – их отцы или кто-то из родных вручал похожее на тесак оружие, которым они учились пользоваться и который с тех пор принадлежал только им. Но рабу, которым Ромич был до недавнего времени, такой роскоши не полагалось, если он изначально не воспитывался как раб-защитник в специальных местах.

А потому он сейчас бессильно сжимал и разжимал пальцы, изо всех сил сдерживая бушующую в нем ярость.

– ...Я вовсе не хотел обидеть тебя, Ромич. Я лишь указал, что сейчас ты не сможешь ничем помочь.

– А здесь?! Чем я могу помочь здесь! – почти прокричал он.

– А здесь ты сможешь сохранить свою жизнь, чтобы Лейла не осталась одна в университетской школе и, может быть, защитить её в будущем.

На парня было больно смотреть. Весь его вид говорил о том, что он рвался с остальными моряками защищать корабль пусть даже ценой собственной жизни. Но он понимал, что профессор прав. А потому с силой ударил кулаком в стену каюты и сел на койку, обхватил себя руками и отвернулся, чтобы мы не видели его глаз. Профессор лишь покачал головой, а я прочитала в его глазах: «Эх, молодость, молодость». Но вслух он сказал совсем другое:

– Но, как мне кажется, никакой битвы не будет.

---

² Данный жест, проведение раскрытых ладоней вдоль лица и соединение их под подбородком, – это аналог того, как крестятся христиане.

– Как это не будет? – удивилась я.

– Видишь ли, твой отец уже не один год бороздит эти воды, и я ни разу не слышал, чтобы на него напали пираты, хотя доподлинно знаю, что их предостаточно. И напрашивается вопрос: чем вызвано подобное везение? – профессор замолчал и пристально на меня посмотрел.

– Неужели отец тоже пират? – брякнула я первое, что пришло в голову, но, немного подумав, мотнула головой, отгоняя подобную несуслаицу. – Нет, не может быть...

– Это неверное предположение, – согласился профессор. – На самом деле все гораздо проще: он платит пиратам определенную пошлину, а взамен получает защиту.

У меня даже рот открылся от подобного заявления.

– Неужели у пиратов Алого моря такая мощная организация? – вырвалось у меня.

– Скорее, есть несколько очень сильных группировок. Они грабят купцов либо за плату защищают от грабежа другими группировками или так называемыми свободными разбойниками – теми, кто не входит ни в одну пиратскую коалицию. Но эти свободные долго не живут.

Я была в шоке от этих откровений, ведь земные корсары никогда не имели столь мощной организации. Да, была Тортуга, на которой они чувствовали себя вполне свободно, но в открытом море каждый был сам за себя.

Теперь мне отчасти стало понятно, откуда у Кирима, нашего старого слуги, были связи с контрабандистами, которые помогли переправить из занятого фаргоцианами города моего невольного пациента Саргайла, капитана эльмирантийской армии, которого мы прятали у себя в доме.

– Тимуран-аха, а как эти самые пираты узнают, что мы под защитой других пиратов? – задала я вопрос, который сейчас волновал меня больше всего.

– Есть специальная система знаков: комбинация флагов, паролей и меток, которые предъявляются при подобной встрече.

– То есть мы до последнего не будем знать, атакуют нас или нет? Все-таки чтобы предъявить все эти метки и пароли, нужно сойтись с кораблем пиратов вплотную, но ведь они могут просто наплевать на предупреждения своих... товарищей из другой группировки.

Профессор недовольно поморщился:

– От бандитов можно ожидать всего, но это не повод впадать в панику. Наверняка такой опытный капитан рассматривает такую возможность и готов к любым неожиданностям.

Ромич уже давно усмирив свою обиду и с интересом слушал нашу беседу.

– Можно я хоть одним глазком посмотрю, что происходит на палубе? – взмолился он наконец.

Профессор сделал задумчивое лицо, а потом как бы нехотя согласился:

– Ну разве только одним глазком... Но, если пираты будут проявлять хоть какие-то враждебные намерения, мы все тут же вернемся в каюту и забаррикадируемся!

– Да! Да! – согласились мы хором и друженько подошли к двери.

Приоткрыв ее, выглянули наружу. Смотрелось это все, скорее всего, комично: внизу выглядывала моя голова, выше профессора, а над ней – Ромича. Но всем нам было очень тревожно. Не обнаружив угрозы, мы бочком прокрались на палубу. К счастью, нас никто не заметил, и мы благополучно укрылись за бочками. В этой ситуации больше всего меня удивил профессор – он двигался наравне с нами и даже кряхтеть по своей извечной привычке перестал! Нет, все-таки он ученый до мозга костей: забывает обо всем, когда задето его любопытство независимо от того, к какой области оно прилагается.

Обзор с нашего ракурса был не ахти какой, но рисковать и перебираться в более удобное место никто бы не рискнул, ведь если заметят – не поздоровится. Часть матросов выстроились

вдоль правого борта, к которому подплывала не очень большая, но юркая каракка, а часть разместились на марсах³ с арбалетами.

Как-то отец мне рассказывал, что каракка для плавания удобнее и быстрее, и сейчас я могла в этом убедиться. Она вплотную подошла к нашей «Ласточке», и с ее борта раздалось:

– О! Вижу, встречаете! Польщен!

К сожалению, разглядеть того, кто это говорил, как и остальных пиратов, было сложно. Разве что тех, что так же засели с арбалетами на марсах каракки.

– Приветствую вас! – отозвался отец. – У нас соглашение со Спрутами... – и добавил фразу, которая явно была неким паролем: – Спрут никогда не выпустит жертву из своих щупалец.

– Ну что за народ!.. – зацокал языком пират.

Теперь он стоял на самом краю борта, и мне более-менее удалось его рассмотреть. По внешности похож на тализийца: темно-русые удлиненные волосы были собраны в хвост, невысокого роста, одет в сероватую рубаху, которая когда-то явно была белой, но утратила прежний лоск, и темные штаны. Завершал образ удалого капитана корсарского судна темно-красный кушак.

– ...Неужели мы не можем подойти и просто поинтересоваться у проходящей мимо каравеллы как дела, послушать, что происходит в эльмирантийской стороне, а заодно попросить показать метку? – продолжая широко улыбаться и демонстрируя щербинку вместо переднего зуба, спросил корсар.

Толстого намека не смог бы понять разве что глухой. Как объяснил мне позже профессор, были случаи, когда капитаны прикрывались несуществующей договоренностью о защите, потому и была разработана система меток и паролей. И если флаг можно было раздобыть, а пароль узнать, то метку подделать невозможно, потому что ее ставил одаренный. Именно поэтому особенно дотошные или не желающие упустить добычу, требовали показать ее.

– В Эльмирантии все по-прежнему – воюют, – говорил отец, доставая из-за пазухи крупный медальон угольно-черного цвета.

Главарь пиратов сплюнул и со злостью заявил:

– Какие все предусмотрительные! Аж тошно, правда, ребята?! – его матросы поддержали дружным воем. – Здесь не вотчина Спрутов! Однако хоть мы и чтим пиратские законы, но мы – ребята вольные и Спрутам не подчиняемся, а потому или платите за проход, или...

Гаденький смешок на пиратском корабле ясно говорил о том, что следует за этим «или». Только даже я слабо верила, что эти бандиты удовлетворятся простой платой.

Атмосфера на «Ласточке» ощутимо накалилась, а отец как-то очень жестко улыбнулся, глядя в глаза корсару.

– Видишь ли, достопочтенный, на этот случай глава Спрутов лично вручил мне подарки, которые я должен отдать такому вот смелому и «чтущему» пиратские законы... – Отец откинул крышку небольшого сундучка, который держал стоявший рядом с ним Сакол, и продемонстрировал содержимое пирату.

От увиденного улыбка на губах корсара завяла, и он сглотнул.

– ...У каждого матроса на марсе по несколько таких, а факелы для стрел, как видишь, уже горят. Объяснить, что будет, если хотя бы один такой «привет» от спрутов попадет на вашу каракку?

Со стороны пиратского капитана раздался нервный смешок. А я невольно задрала голову в поисках наших матросов на мачтах.

---

³ Марс – площадка на тоне составной мачты, где во время боя размещаются стрелки. На парусных судах служат для разноса стень-ваит и местом для некоторых работ при постановке и уборке парусов.

– Ну зачем же так сразу доставать Огонь глубин? Вы должны знать, что за такие игрушки делают пираты с капитанами, которые решились их применить?

– Я даже собственными глазами это видел, – спокойно ответил отец. – Но эти, как вы выразились, игрушки Спрут дал мне лично, как и разрешение их использовать – при необходимости, разумеется.

– А вы, оказывается, очень нужный человек, раз о вас так пекутся... – с непонятной интонацией то ли угрозы, то ли подобострастия, то ли боязни проговорил пират. На это отец лишь выразительно промолчал, чем еще больше добавил весомости своим словам и персоне. – Нам всем не стоит горячиться, – наконец, недовольно продолжил пират. – Мы чтим пиратские законы, и друзья наших друзей – и наши друзья. А какие могут быть счеты между друзьями? Я прав?

После некоторого молчания, дружелюбно улыбнувшись, но не закрыв ларец, отец проговорил:

– Мы торопимся... – и многозначительно посмотрел куда-то между кораблями.

А я поняла, что пиратская каракка уже успела зацепиться за нашу каравеллу абордажными крючьями. Вместо ответа послышался приказ беззубика, как я мысленно окрестила пиратского капитана, «Уходим!» и скрежет убираемых крючьев. Мы все дружно выдохнули и, как только корабль немного удалился, начали так же тихо пробираться обратно. Зачем-то подняв голову, я увидела, что один из матросов – тот самый, что отправил нас с Ромичем в каюту – нас заметил. Молитвенно сложив руки, а потом приложив палец к губам, попросила не поднимать шум. Он на это лишь покачал головой и махнул рукой. Мне оставалось лишь благодарно кивнуть.

– Ох, спина моя спина... – по-старчески простонал профессор, разгибаясь, когда мы, наконец, добрались до его каюты. – Стар я уже играть в шпионские игры.

– Да вы еще всем нам фору дадите, Тимуран-аха! – не согласилась я.

– Конечно-конечно, – побряхтывал он, – вам, молодым, не понять старика...

Я поняла, что профессор присел на своего любимого конька и с него не слезет, пока его внимание не займет что-то интересное. Поэтому поспешила задать интересовавший меня вопрос:

– А что такое Огонь глубин?

– И все-то тебе интересно... – все еще ворчал профессор, однако быстро увлекся темой разговора и перестал брюзжать: – Огонь глубин – очень опасное в море вещество. Если его поджечь, то потушить уже невозможно...

Греческий огонь! Я как-то читала, что его точный состав утерян и до сих пор не возобновлен. Во времена Византийской империи эта горячая смесь была грозным оружием, так как попытки потушить ее водой только усиливали горение. Видимо, здесь нашелся еще один уникал, который смог создать нечто подобное. Очевидно, что просто так такой состав не купить.

В подтверждение этих мыслей профессор продолжил свой рассказ:

– ...По слухам, Огонь глубин изобрел все тот же одаренный, что делает пиратские метки. И его состав держится в строжайшем секрете. Купить его невозможно. Пиратская верхушка сама решает, кому и сколько доверить сосудов с этим веществом. И если они узнают, что хоть один был продан или отдан не тем людям... В общем, для твоего отца наличие подобного оружия и великая честь, и великая угроза... Теперь нам не стоит заходить в порт Новерлина, потому что есть вероятность, что этот выкормыш шакала сдаст информацию о наличии на «Ласточке» Огня глубин властям. Просто так, чтобы отомстить. Пираты открыто к нам больше не полезут – никто не захочет потерять свой корабль, но напасть безлунной ночью исподтишка могут, поэтому, уверен, ночью твой отец усилит дозор.

– Куда же мы причалим?

– Это в Фаргоции проблема с портами. В Тализии же много приморских городов. Просто нам нужно немного отклониться от намеченного маршрута. Ладно, детки, побудьте тут, а мне нужно поговорить с Ратмиром-аха.

Он покинул каюту, а я задумалась – какие еще сюрпризы и открытия ждут меня в этом мире?

Однако дела будущего – это дела будущего, а прямо сейчас меня беспокоила полная неспособность дать отпор в самой банальной мальчишеской драке, не то чтобы дать отпор противнику посерьезнее, и тем более я не владела оружием. Наверняка дворянских детей обучают этому с детства. А я даже просто правильно держать в руках меч не умела. Разве что нож для приготовления блюд. И по насупленному виду Ромича поняла, что он думает о том же.

***

Уже этим вечером, когда отец освободился от своих дел, я озадачила его обучением меня бою. Нужно было видеть его лицо! Сначала он осознал саму проблему, а потом и что ему придется обучать собственную дочь держать в руках оружие! Ему! Обучать! Девочку! Дочку! Бою! С холодным оружием!

– Это кошмар... – он закрыл лицо руками и буквально рухнул на стул. – Я не могу допустить подобного! Женщина не должна брать в руки оружие!

– А где ты видишь женщину? Перед тобой сидит мальчик, – спокойно парировала я. – Этот мальчик будет стоять перед учителями тализийской университетской школы. И когда на тренировочном поле этому мальчику дадут в руки тренировочное оружие, он не должен ударить в грязь лицом, иначе вся его легенда затрещит по швам. Ты же сам мне только что сказал, что каждый уважающий себя дворянин учит сыновей бою с холодным оружием чуть ли не с пеленок.

– Но ты при всем желании не сможешь за тот срок, что остался до начала занятий, подтянуться до того уровня, который показывают твои сверстники!

– Да не надо мне прямо такой же уровень! – Несмотря ни на что, он не отметал сходу возможность моего обучения такому чисто мужскому занятию. Удивительный человек, а учитывая реалии этого мира – просто невозможный, и нужно было этим пользоваться. – Можно сказать, что я жил в обедневшей дворянской семье, отец погиб, скажем, на охоте, когда я был совсем еще крохой. Обучать меня было некому, но держать в руках саблю я все же научился.

Отец, наконец, отнял руки от лица.

– Ну-у... вполне правдоподобная легенда.

– Да, но драться холодным оружием меня все равно нужно учить. И чем скорее, тем лучше.

Отец снова спрятал лицо в ладонях и сильно потер ими щеки:

– Нет! Н-не могу! Ты хоть понимаешь, насколько это дико – обучать бою на мечах девочку, собственную дочь!

– Я знаю, что дико делать из девочки рожающую одаренных детей безгласную самку, у которой отнимают этих самых детей сразу после рождения. Дико каждый раз передавать ее дальше тому, кто выгоден королю и кто больше заплатит, вовлекая в этот нескончаемый круг до тех пор, пока несчастная не умрет или не сойдет с ума! – На этот раз лицо отца исказила самая настоящая судорога. А я присела с ним рядом, положила ладошку на напряженное плечо и тихо продолжила: – Отец, я знаю, что в этом мире много несправедливости. Много такого, о чем таким маленьким девочкам, как я, знать вообще не нужно. Но я знаю. Знаю и хочу научиться противостоять тому, что сильные миры сего приготовили для таких, как я. А для этого мне нужно самой стать сильной, нужно научиться таким вещам, о которых раньше даже ты не думал, не то что я. И одной мне это сделать очень сложно...

Отец накрыл мою руку, лежавшую на его плече, своей, а потом и вовсе обнял:

– Ох, Лейла, Лейла... Какой нелегкий путь приготовил для тебя Всевышний! Мне страшно представить, как ты будешь его преодолевать! Но я твой отец, и кому как не мне помочь тебе в этом. – Он погладил меня по голове и, поцеловав в лоб, посмотрел в глаза. – Я знаю, ты у меня сильная! И даже знаю в кого, – он тепло улыбнулся. – Когда-нибудь я расскажу тебе о такой же сильной женщине, и ты со мной согласишься. Когда-то, узнав о тебе, она сказала. «Береги ее и помогай, чем можешь. Ее путь не будет легким. В твоих силах сделать его менее тернистым»... – Я слушала, это открыв рот, и в голове рождалось очень много вопросов, а отец продолжал: – Сомневаюсь, что навыки боя сделают твою жизнь проще, но с завтрашнего дня мы начнем тренировки...

Я крепко обняла отца, и несколько минут мы просто сидели, размышляя и радуясь, что есть друг у друга.

– Отец, а можешь показать пиратскую метку? – решила я воспользоваться моментом.

– Что? И об этом уже узнала?

– Ну, пожа-а-алуйста.

– В такие моменты ты очень похожа мать, – усмехнулся он.

А мне отчего-то вспомнилось, как он рассказывал, почему назвал этот корабль «Ласточкой». Ведь это не очень характерное название для эльмирантийского или даже туранского корабля. Оказалось, что моя родная мама – Аврора, которой уже давно нет на этом свете – рассказала ему, что в детстве ее часто называли ласточкой, так как она была жуткой непоседой, но могла надолго замереть на месте, наблюдая за птенцами ласточки, гнездо которой располагалось прямо под козырьком беседки, что стояла у них в саду, а потом так же стремительно, как и птицы в нем, выбегала прочь и носилась по саду.

– Смотри, чего уж тут, – и отец достал из-за пазухи пиратский медальон.

На нем был изображен спрут, который особенно ярко и неестественно светился на темном фоне камня, и перепутать амулет с каким-либо другим было просто невозможно даже на расстоянии.

Я провела по нему пальцем:

– Красивый.

– Да, вещица сделана со вкусом.

В этот момент в каюту постучались, и он спрятал амулет за пазуху.

***

Но ни на следующее утро, ни через день мне в руки оружие не дали. Первым делом нас с Ромичем начали подтягивать физически: отжимания, упражнения на пресс, ловкость и развитие кистей рук. До этого мне казалось, что с физической подготовкой у меня проблем нет, а теперь поняла, что раньше у меня работали совсем другие группы мышц. Помогала нарабатанная этим телом с ранних лет выносливость. Ведь мне уже с пяти лет нужно было успевать гораздо больше земных сверстников. Но поначалу я все равно выдыхалась быстрее, чем хотелось бы. Выручал, как ни странно, отец, но не в том смысле, что снижал нагрузки, а в том, что каждый вечер перед сном, когда я уже просто валилась на свою койку, делал мне массаж, разминая натруженные мышцы и разгоняя молочную кислоту. Честно говоря, поначалу было очень больно, но к концу массажа я всегда засыпала.

Параллельно с физподготовкой рассказывали о различном оружии, показывали его и разъясняли отличия, преимущества и недостатки. Именно из одной из таких лекций я узнала, что то, что я называла саблей из-за немного изогнутой формы лезвия, на деле оказалось мечом. Хотя если отместить различные варианты форм и заточки, что разнились в зависимости от страны, в которой были придуманы или модифицированы, меч и сабля отличались лишь балансировкой, часто имея очень схожую форму. Не все виды, конечно. Например, абордажную саблю перепутать с мечом сложно из-за того, что она изначально эволюционировала из тесака,

а потому представляет собой короткий, но широкий и тяжелый клинок. Сабля же в том виде, в котором я ее представляла, использовалась для вооружения конных войск из-за центровки, благодаря которой клинок перевешивал рукоять – этот вид оружия приносил больше повреждений при рубящих ударах, и они удобны для всадников. Меч же удобнее в ближнем бою, так как позволял делать более результативные, чем у сабли, колющие удары, отчего их преимущественно использовала пехота. Мне показали несколько видов сабель, мечей и пик, которые, как оказалось, были частью товаров, которые переправлял отец. Продемонстрировали несколько видов эфесов и как их можно применять в бою. Рассказали, что в далеких северных королевствах предпочитают драться топорами и секирами. И, наконец, я узнала, что ножи, висающие на поясах благородных и не очень людей, тоже имеют самые разные названия в зависимости от длины и формы лезвия.

За время этих лекций я узнала столько способов убийства себе подобных, что утвердилась во мнении, что чем больше узнаю о предмете и чем лучше буду владеть разными видами оружия, тем больше шансов будет защитить себя и не нанести непоправимых повреждений противнику. Вдаваться во внутреннюю полемику о том, что некоторым индивидуумам лучше не топтать эту землю вовсе, и их убийство пойдет всем на пользу, я не стала – скользкая это тема. А представлять себя в роли убийцы не хотелось совсем.

К вечеру второго дня после начала занятий я умаялась настолько, что едва небо окрасилось в цвета заката, отправилась в каюту, чтобы, постанывая, уложить свою многострадальную тушку на койку. О том, как я буду себя чувствовать завтра, не хотелось даже думать. Скрипнув дверью, вслед за мной вошел отец:

– Еще не передумала?

И так это было сказано, что у меня закралась мысль, что все эти экзекуции проводились не просто так, а с целью отвадить меня от обучения. Но я отбросила эту мысль. Скорее, отец усердствовал, чтобы подтянуть меня до приемлемого уровня за то время, что осталось до прибытия в университетскую школу.

– А что бы это изменило? – спросила, уткнувшись носом в подушку и готовясь к массажу.

– Ну не знаю. Возможно, ты бы согласилась принять мое предложение об убежище.

Я на это лишь фыркнула.

– Неужели ты думал, что первые же трудности заставят меня отказаться от намеченного пути?

– Конечно, нет. Ты у меня не из того теста, – в голосе отца проскользнула улыбка и грусть. – Просто мне как отцу хочется защитить тебя от всех невзгод, но обстоятельства складываются так, что делают это желание невозможным, и это не может меня не расстраивать.

– Все будет хорошо, – уже привычно проговорила я.

Отец на это лишь фыркнул и, разминая мне плечи, перевел разговор в другое русло:

– Сегодня будет шторм.

– А? – то ли спросила, тол ли простонал я.

– Разве ты не заметила, как усилился ветер? Да и горизонт заметно потемнел...

Заметила ли я? Да в последние часы единственным моим желанием было доковылять до каюты и плюхнуться на койку! Но гордость не позволяла, и я усиленно бодрилась.

– ...Понятно, – так и не дождавшись от меня ответа, хмыкнул отец. – В любом случае, если не хочешь всю ночь беспорядочно кататься по каюте, советую пристегнуться к койке ремнями.

– А?

– Ладно, болезная, засыпай, я сам тебя пристегну. Только ночью, если что, не пугайся и на палубу не выходи – смочет. И ничего не бойся. Этот корабль пережил уже немало бурь. Переживет и эту.

От последнего замечания мне стало беспокойно, но сон быстро принял меня в свои объятия, не давая по-настоящему задуматься об опасности.

Спала я, правда, недолго.

Как и предсказывал отец, начался шторм. Рядом на соседних койках уже лежали пристегнувшиеся Ромич и профессор. Кают на корабле было всего две: капитанская и для возможных пассажиров – все-таки это обычное торговое судно. Матросы крепили свои гамаки в трюме.

Проснувшись я от сильной качки, но очень скоро поняла, что она была лишь предвестником того, как начало болтать корабль уже через полчаса. Будь мой вестибулярный аппарат слабее, меня бы стошнило, а так мутило, но общий ужас ситуации скрадывал это ощущение.

Не знаю, сколько длилась вся эта вакханалия, но в какой-то момент корабль особенно сильно шатнуло, после чего последовало ощущение свободного падения. К этому моменту я даже молиться перестала – выдохлась. Вцепилась в койку и завизжала так, что самой чуть уши не заложило. Удар о воду заставил зубы клацнуть с такой силой, что лишь по счастливой случайности я не откусила себе язык. Корабль затрещал так, что показалось, развалится надвое и пойдет ко дну. Сердце колотилось в висках, ужас сковал тело, мгновения пролетали за мгновениями, но ничего больше не происходило, кроме качки, конечно, к которой я уже успела притерпеться.

Повернув голову, увидела дикие глаза Ромича, койка которого была как раз напротив моей. Я попыталась улыбнуться, но, судя по его ответной гримасе, это у меня получилось так же плохо. Скосив глаза на профессора, увидела, что он лежит с крепко закрытыми глазами и что-то шепчет. Представила, как нелегко ему в его возрасте в такой обстановке и с его неприятием закрытых малых пространств, и только вздохнула, не в силах помочь.

На несколько минут установилось сравнительное спокойствие, и я почти уверовала, что самое страшное пройдено, однако следующая волна показала, что я обрадовалась слишком рано...

За эту ночь я готовилась к встрече с высшими силами столько раз, что даже перестала считать, и когда под утро качка немного стихла, нас всех сморил сон.

Проснувшись, я кое-как отвязалась, села и осмотрелась. Ромич и профессор еще спали. Открыв дверь каюты, я вышла на палубу и не поверила своим глазам: море было спокойным, лишь легкий ветерок трепал сложенные паруса. Ничто не напоминало о ночном буйстве стихии, лишь усталые матросы и сломанная грот-мачта, вокруг которой они сустились, говорили о том, что пережитый ужас мне не приснился.

Я нашла отца в его каюте. Он сидел за столом, склонившись над картой, и при помощи секстанта⁴ вычислял наши координаты.

– Привет, – поздоровался он. – Как ты?

А я увидела, что эта ночь далась ему очень нелегко. Тени, залегшие под глазами, и усталый потрепанный вид ясно говорили об этом.

– Все хорошо. Главное, что мы пережили этот ужас. Неужели здесь всегда такие сильные шторма?

– Нет, не всегда. Я бы сказал, что шторма такой силы характерны для зимы, поэтому мы в это время стараемся в море не выходить, – он пригладил рукой растрепавшиеся волосы и прикрыл глаза.

Я подошла к нему и погладила по плечам.

– Сильно мы отклонились от курса?

---

⁴ Секста́нт, секста́н – навигационный измерительный инструмент, используемый для измерения высоты Солнца и других космических объектов над горизонтом с целью определения географических координат точки, в которой производится измерение.

– Судя по всему, шторм отнес нас гораздо восточнее запланированного маршрута, до ближайшего порта дня два пути.

– Вот и хорошо. Главное, что все живы. Ведь все живы? – вдруг всполошилась я.

– Все, все, – отец, успокаивая, потрепал меня по руке на его плече. – Небольшие ушибы и повреждения корабля не в счет.

Я облегченно выдохнула.

– Тогда чего ты тут сидишь? Ложись отдыхай, а то на тебя смотреть больно.

Он усмехнулся:

– Обязательно вздремну пару часов, сердечко мое.

Глава 2

Высадились мы через полтора дня после шторма гораздо восточнее Новерлина, главного порта Тализии, к которому изначально шли, в небольшом порту городка Ворвель, чем-то напомнившим мне родной Шалем.

Признаться, после первого в моей жизни такого долгого плавания я встретила землю с огромной радостью. И в этом была не одинока: и Ромич, и профессор были со мной солидарны.

Мы планировали причалить в Новерлине, но после встречи с пиратами решили плыть чуть западнее в большой портовой город, и оттуда отправиться по суше ближе к столице. Там думали ненадолго задержаться: узнать новости, обновить гардероб и немного пообщаться среди тализийцев. Но жизнь внесла в наши планы коррективы, и сейчас мы находимся в Ворвеле, а отец снял у местной вдовы несколько комнат на десять дней.

– По-моему, нашему профессору необходима передышка, плавание далось ему гораздо тяжелее, чем в прошлый раз. Тебе нужно подтянуть физическую форму и научиться держать в руках меч, да и «Ласточке» нужен ремонт. К тому же, я хочу провести с тобой побольше времени, – сказал он в ответ на моё удивление по поводу такой задержки.

Мне самой не хотелось снова так быстро с ним расставаться, хотя я и думала, что мы отправимся в путь чуть ли не на следующий день. Мы изначально решили, что отец доставит нас до тализийского порта, и вглубь страны мы отправимся сами. Он беспокоился о судьбе мамы и мальчиков, которые остались в Шалеме, на территории двух воюющих королевств, и, несмотря на беспокойство обо мне, не мог снова надолго оставить их одних.

– Знаешь, – ответила я ему, – я рада, что ты еще немного побудешь рядом, хотя и понимаю, что дома тебя очень ждут.

Отец обнял меня и погладил по голове:

– Ты же знаешь, что мысленно я всегда буду с тобой. А уж если узнаю, что тебя кто-то обидел, то приплыву хоть с другого конца света и лично откручу негодяю голову!

– Конечно, папа, – улыбнулась я, греясь в его любви и заботе. – А кто со мной будет заниматься?

Я имела в виду тренировки с оружием, и отец это понял:

– Поиск наставника ляжет на плечи профессора. А пока придется довольствоваться тем, что умеют мои матросы.

***

Вечером тоже дня в бухту порта причалил еще один потрепанный кораблик. Он тоже попал в тот страшный шторм. К нашему удивлению, отец оказался знаком с одним из пассажиров. Им оказался туранский купец, который вез своего воспитанника на обучение в Тализийский университет. Они тоже направлялись в порт Новерлина, однако шторм спутал все их планы. Отец договорился с Фахримом, сыном Руфима, что мы с профессором и Ромичем будем добираться до места с ним и его воспитанником под присмотром их охраны. Так было проще и для самого отца, и для моей маскировки, которую я предпочла снять, чтобы в будущем, по мере взросления, иметь возможность изменять какие-то параметры своего тела, ведь артефакт мог изменять лишь три из них. Воспитанником купца оказался очень застенчивый симпатичный мальчик, в чьей крови явно наблюдалось смешение крови фаргоциан с их голубыми глазами и черноволосых туранцев. Мальчик мне сразу понравился, было в нем что-то светлое, в глазах светились интерес ко всему вокруг и непонятная грусть.

– Фахрим-аха, – услышала я разговор отца с купцом, когда вечером мы пригласили их на ужин, – к сожалению, Лей совершенно не умеет обращаться с оружием. Его отец, мой друг,

погиб на охоте несколько лет назад и не успел обучить сына, а финансовое состояние вдовы не позволило нанять достойного учителя... – Отец немного замялся, но под внимательным заинтересованным взглядом пухлощекого купца продолжил: – Возможно, в вашем теперешнем окружении найдется кто-то, кто смог бы позаниматься с мальчиком? Я оплачу его услуги.

Глаза Фахрима весело блеснули:

– Вы знаете, уважаемый Ратмир-аха, у моего воспитанника та же проблема! Признаться, он попал ко мне совсем недавно и тоже имеет подобные сложности. Поэтому один из рабов-защитников сейчас усиленно занимается с мальцом. Я с удовольствием разрешу этому милому мальчику, – он доброжелательно посмотрел в мою сторону, – позаниматься с ним без какой-либо платы. Думаю, им будет даже полезнее учиться вместе.

Наличие обученного владению оружием раба в свите купца указывало на его богатство и высокий статус, так как купить такого бойца непросто и стоят они очень недешево. Они с малых лет проходят настолько серьезную подготовку и психологическую обработку, что выпускать таких мастеров в большом количестве было бы опасно – один такой раб стоит десятых солдат.

– О! Спасибо вам, уважаемый Фахрим-аха! – расплылся в благодарностях отец. – Буду очень вам признателен!

В их разговор вступил профессор, который все это время с интересом прислушивался к беседе:

– Уважаемый Фахрим-аха, скажите, могу ли и я попросить вас об услуге?

– Что за услуга? – благосклонно склонил голову купец.

– Как вы уже знаете, в своих странствиях я тоже нашел себе воспитанника, и хотя он старше этих сорванцов, – он указал на нас рукой, – но так же совершенно не знаком с воинским делом, а я бы хотел, чтобы он хоть немного в нем поднатерел. Возможно, вы согласитесь, чтобы ваш раб позанимался и с ним?

Для Ромича мы придумали именно такую легенду, и сейчас профессор этим воспользовался.

– О! Не вижу для этого никаких препятствий! – всплеснул руками толстячок-купец. – Буду рад помочь вам обоим! Жаль только, что мой Нарим плохо знает тализийский, боюсь, его ждет много трудностей в школе... – глубокомысленно сокрушаясь, намекнул он.

Профессор без труда этот намек уловил и ответил полным достоинства голосом:

– Поверьте, уважаемый Фахрим-аха, мне не составит никакого труда позаниматься в пути с вашим воспитанником тализийским языком. Тем более что Лей и Ромич, без сомнения, мне в этом помогут. Я уже обучил их туранскому и тализийскому и, смею вас заверить, они могут продемонстрировать довольно высокий уровень владения ими. А недавно мы принялись за изучение фархатского, думаю, и с этим языком проблем у них не возникнет.

– О! Замечательно! Правда, Нарим? – обратился купец к мальчику.

Почему-то этот веселый доброжелательный толстячок не вызывал у меня симпатии, чувствовалась в нем какая-то неискренность, и принимать его помощь не хотелось, но выбора у нас не было, поэтому я просто решила держаться от самого купца подальше.

– Да, конечно. Спасибо вам, Тимуран-аха. Буду рад стать вашим учеником, – сидя поклонился мальчик.

А я, решив немного подбодрить Нарима, толкнула его легонько плечом, улыбнулась и весело подмигнула. Неуверенная улыбка стала мне ответом.

Вот так мы с Ромичем заполучили учителя и стали учителями сами – нам было несложно помочь Нариму в освоении языка

Учитель по фехтованию, вопреки моим представлениям о том, что он должен быть бугаем с огромным мечом наперевес, оказался невысоким жилистым мужчиной около тридцати лет, с жесткими чертами лицами и равнодушным выражением глубоко посаженных черных глаз.

Именно он впервые вручил мне деревянный ученический меч и учил с ним обращаться, не щадя ни моих рук, ни ног, ни самолюбия.

За десять дней, что мы провели в Ворвеле я успела проводить отца, который до последнего пытался уговорить меня уехать с ним в убежище, подружиться с Наримом, убедиться еще раз, что моя жизнь в роли мальчика не будет легкой, и понять, что на дух не переношу Заруха – младшего сына туранского султана, который по той же случайности, что и мы, промахнулся мимо Новерлина и причалил к порту Ворвеля на следующее утро после нас с Наримом.

Зарух тоже направлялся учиться в Тализийскую университетскую школу. Вот и спорь после этого с утверждением, что мир – это маленькая деревня! Как оказалось, два года назад Турания и Тализия заключили несколько взаимовыгодных договоров о сотрудничестве, одним из пунктов которых было обучение ребят из Турании в Тализийском университете, причем соглашение касалось и одаренных детей тоже. Заруха воспитывали в стиле «я – наместник Всевышнего на земле, а все остальные – пыль под ногами», а потому общаться с ним было совершенно невозможно! Но и игнорировать его мы тоже не могли – Фахрим делал все, чтобы выслужиться перед воспитателем принца, который был не последним человеком при дворе султана и сопровождал мальчика к месту учебы. А потому нам приходилось поддерживать с ним отношения и стараться не слышать высокомерия в голосе и насмешек, что перманентно сыпались из уст этого поганца.

С появлением Заруха и его свиты у профессора тоже возникли проблемы, ведь он несколько лет учил детей султана, после чего попал в опалу и, по официальной версии, был обезглавлен почти пять лет назад. Зарух его не узнал – на тот момент был еще слишком мал для занятий и профессора не видел, но вот кто-то из его свиты вполне мог вспомнить старого учителя и заинтересоваться его чудесным воскрешением. Дальнейшее развитие событий было несложно предугадать, и жизни профессора, как и жизням тех, кто когда-то помог ему избежать смерти, грозила бы серьезная опасность. Поэтому все то время, что принц со свитой находились в городе, проф не выходил из дома, совершенно при этом не скучая, так как взялся за чертежи двухколесного велосипеда, который я ему описала, чтобы спасти старика от скуки.

– Не может быть, что эта конструкция сможет удерживаться в вертикальном положении во время езды, да еще и ездока на себе тащить! – кричал в возмущении профессор, но я видела, что уже заронила интерес в его сердце.

– А вот и может! – настаивала я. – И эта заслуга ездока, который очень быстро научится управлять им и сам же себя и повезет! Вас должно волновать совсем не это, а устройство цепи, крепление колес и педалей!

– Да кто в состоянии сделать эту твою цепь? Ты хоть понимаешь, что подобное может сделать разве что ювелир, а никак не кузнец?! Представляешь, сколько тогда будет стоить этот агрегат?

– Не разочаровывайте меня, профессор! Наши кузнецы отлично умеют работать с отливкой небольших деталей. Просто их придется сделать немного мельче, чем они привыкли. А уж как сделать форму для этих деталюшечек и разработать их крепление – это уже ваша забота. К тому же со временем можно будет что-то придумать, чтобы удешевить транспорт.

На несколько минут профессор погрузился в свои мысли, а я подумала, что даже представить себе не могла, что крылатая фраза «изобрести велосипед» в моем случае когда-то может приобрести вполне свойственное ей значение.

– Лейла, это точно поедет? – все еще недоверчиво спросил он.

– Профессор, если вы сделаете то, что я тут нарисовала, то ЭТО точно поедет! Вы ведь уже оценили возможности мясорубки, которую я заказа у кузнеца, и винта внутри нее. Я видела, вы уже нарисовали несколько вариантов ирригационной системы, основываясь на этой детали.

Профессор со стуком закрыл открывшийся от удивления рот:

– Ты поняла, что я рисовал ирригационную систему?

– Профессор, те забавные грядки и ростки чего-то там на них, которые вы нарисовали около чертежа, сложно спутать с чем-то другим.

– Но ты поняла! Деточка моя, может, ты расскажешь мне еще о каком-нибудь агрегате? – глаза профессора загорелись почти фанатичным огнем интереса.

Я на это лишь рассмеялась:

– Профессор, ничего сверхъестественного я вам сообщить не могу. Вы попробуйте воплотить в жизнь то, что уже успели начертить. – И, увидев разочарование в его глазах, все же добавила: – Скажу лишь, что этот винт можно использовать не только в ирригационных системах, но и в системах обработки сточных вод.

Об этом интересном применении Архимедова винта я когда-то вычитала при подготовке очередного реферата.

И все, профессор пропал из жизни на все десять дней нашего пребывания в Ворвеле.

***

А вот Зарух, к сожалению, не спешил исчезать из нашей жизни, чего нам всем очень хотелось. Фахрим окончательно втерся в доверие к воспитателю этого малолетнего принца, и тот оставил его на попечение купца до самой школы. Сам же со свитой, оставив с ним пятерых телохранителей и личного лекаря, который – мы проверили – появился во дворце уже после исчезновения из него профессора, отправился в столицу Тализии для решения каких-то дипломатических вопросов. Это, конечно, по официальной версии, а по-моему, он просто так устал от мальчишки, что воспользовался первым же подвернувшимся шансом от него избавиться. Хотя, конечно, это я просто злобствовала, так как совершенно не могла представить, как мы выдержим общение с ним почти два месяца, оставшиеся до занятий.

С отъездом воспитателя у профессора отпала необходимость прятаться, и через десять дней, закупившись предварительно лошадьми, провизией и прочими сопутствующими товарами, мы, как и планировали, отправились в путь.

Глава 3

Я ехала на довольно смирной лошадке уже второй день. Ехала и понимала: жить мне осталось недолго. Потому что с непривычки я отбила и натерла себе все что можно. И то, что точно так же страдал Нарим, вовсе не утешало. Я прекрасно понимала, что нужно остановиться, пожаловаться на свое состояние, и мы бы тут же сделали привал, а нас с Наримом обязательно бы чем-нибудь подлечили, но... Всегда это пресловутое «но»! Но мы просто не могли себе позволить в очередной раз признать, что не умеем элементарное для любого благородного отпрыска, а если честно, то этого не давал нам признать Зарух, который держался на лошади, как будто родился в седле! Иногда ради забавы он откалывал на лошади такие коленца, что мы с Наримом могли только скрипеть зубами. Однако сдаваться и показывать свою слабость по обоюдному молчаливому согласию не желали, даже ценой собственной жизни. Так нас достал этот задавака, который буквально все делал лучше и изящнее, даже не пытаясь при этом скрыть своего пренебрежительного отношения к нам и нашей невежественности.

Казалось бы, я же взрослая девушка, что за детский сад устроила?! Неужели повелась на подначки малолетнего заср... эээ... шалопая?! Ну же! Пора вести себя как взрослый благообразный человек! Но нет. Неизвестно откуда вдруг вылезло это неуместное неумное упрямство, да так вылезло, что не заткнешь!

Обиднее всего было, что никто не замечал нашего с Наримом состояния. Даже профессор! Он неплохо держался в седле. На привалах мы, кряхтя, кое-как слезали с лошадей и, вымученно улыбаясь, валились на землю и делали вид, что так и задумывалось. Наши спутники списывали это на то, что малолетки просто сильно уставали, и не интересовались нашим состоянием, даже не догадываясь, что до этого момента ни я, ни Нарим на лошади не сидели и совершенно не знали, как на ней правильно держаться. А это, как я уже поняла собственной многострадальной задницей, целая наука. Купцу, похоже, было просто глубоко наплевать, как там себя чувствуют его подопечные, а профессор, как всегда, летал в облаках своих проектов и просто ничего вокруг не замечал.

Эх, был бы здесь хотя бы Ромич... Но его по просьбе Фахрима оставили в Ворвеле дожидаться, когда местный кожевенных дел мастер закончит для купца какую-то специальную сбрану и украсит камнями. И приспичило же!

– Всего день-два, дорогой Тимуран-аха, и ваш Ромич с одним из моих охранников нас догонит, мы же не будем особенно торопиться. Что ему сделается? – причитал он, глядя на профессора. – Конечно, я мог бы поручить это своему личному охраннику, которому всецело доверяю, но оставить принца без должной защиты не могу, а ваш Ромич точно не предаст, уж я вижу людей насквозь!

А мне хотелось вцепиться в эти бесстыжие глаза ногтями! Как принца сопровождать, так он не может отказаться от дополнительного охранника, а как парнишку оставить с одним сопровождающим в опасных землях, так это пожалуйста?! Однако отказать профессор не мог – мы зависели от купца: двигаться по неизвестным землям караваном гораздо безопаснее и проще, чем втроем. Нанимать каких-то незнакомых людей для сопровождения тоже чревато определенными трудностями. В общем, профессор, скрежетнув зубами, дал обещание, что оставит Ромича в городе. Потом долго с ним о чем-то беседовал и что-то вручил, отчего у Ромича глаза на лоб полезли.

– Ну что, наездники, – Зарух подъехал к нам, плетущимся в конце колонны, чтобы в очередной раз позубоскалить. Из-за легкого акцента он часто говорил вместо «ч» и «ж» «ш» – Как дела?

Мы с Наримом не ответили, измученные постоянной болью, и лишь покосились на него исподлобья. Лицо парня исказило какое-то непонятное чувство, и он, резко прищипнув коня, поскакал прочь, что-то злобно выговаривая себе под нос. Но мы почти не обратили на это никакого внимания, постепенно скатываясь в оцепененное состояние. До вечерней стоянки оставалось совсем немного, и я надеялась все-таки дотянуть до этого времени, а потом найти какой-нибудь ручей или бадью с водой и просто без прикрас засунуть туда свою задницу, чтобы хоть ненадолго остудить тот пожар, что сжигал мое тело ниже поясницы, хотя поясница тоже побаливала, но в сравнении с остальной болью эта даже не стоила внимания.

На этот раз остановку планировалось осуществить в небольшой деревеньке по ходу следования нашего каравана и, в отличие от предыдущей ночи, которую мы провели на еловых ветках, нам выделили комнаты в доме старосты. Одну нам троим, и одну купцу с профессором, если быть точнее. Сам же староста со старшим сыном пошли спать к соседям. Мы с Наримом, отказавшись от ужина, на который не было ни сил, ни желания, сразу же поплелись в комнату, где просто упали ничком на соломенные тюфяки и тут же то ли просто отключились, то ли почти потеряли сознание. Подозревала, что Нариму было еще паршивее, чем мне, но он не жаловался. Я хотела еще перед сном снять штаны и осмотреть пострадавшее место, помазать заживляющей мазью, которая спасла нас вчера вечером, но сил ни у меня, ни у него не хватило.

Проснувшись я от звуков заковыристого мата. Повернув голову, в свете свечи я увидела, как Зарух склонился над Наримом, с которого уже успел приспустить штаны.

– Вы ненормальные! – глядя на меня, наконец, выдал он что-то более-менее цензурное. – Я уже два дня слезу за вами! И да же припомнить не могу более упрямых дураков! Шего? Ну шего вы добились своим молшанием? Вы же завтра в седло уже не сядете, а если сядете, то просто вырубите от боли!

– Мы сядем, – упрямо проговорила я.

– Ты? – зло усмехнулся он. – Ты, мошет, и сядешь, а вот он да же сейчас не реагирует на мои прикосновения!

Я попыталась встать, чтобы проверить Нарима, но от движения нижняя часть заболела так, что из глаз сами собой брызнули слезы. А Зарим, снова выругавшись, вылетел из комнаты, чтобы вернуться минут через пять. А когда приступ боли схлынул, я начала понимать какой была непроходимой дурой! Ладно сама, так я еще и пацана чуть не уморила! Ведь вон лежит и да же не шевелится! Благо, что дышал. От самобичевания меня отвлек голос Зарима:

– Сейшас принесут воды, нушно будет промыть ваши раны, а потом я нанесу порошок и мазь. Взял у лекаря.

Я попыталась что-то возразить, но он меня оборвал:

– Да не дергайся ты! – неправильно понял он меня. – Я никому не сказал, что для вас. Сам все сделаю, никто и не узнает, какие вы безмозглые обезьяны!

От подобной тирады у меня чуть глаза из орбит не вывалились. Зарух будет нас лечить? Зарух будет нас прикрывать?

– З-зачем?

– Что зашем?

– Зачем ты все это делаешь?

Он посмотрел на меня долгим немигающим и каким-то взрослым взглядом, но ответил:

– Знаешь, как воспитывают мальчиков в Турании? Не всех, конечно, но многих.

– Нет.

– Каждый мальчик должен быстро усваивать науку, и если у него этого не полушается, то его бьют розгами. Сильно бьют, чтобы запомнил и никогда больше не повторял ошибок. Так вот, глядя на вас с Наримом, я понял, что он очень глупый, а ты очень везучий.

– П-почему? – я начала заикаться я от подобных выводов.

– Потому что его шасто и сильно бьют, а тебя нет, хотя и стоило бы.

– Т-то есть как бьют?! – пребывала я в полном шоке.

– О! Да, я смотрю, в тебе наблюдательности, как у слепого крота! Неушели ты не видел, как часто он передергивает плечами при резких движениях? Явный признак, что рубец на спине беспокоит, или рубцы. Да и я после того, как отбыл воспитатель, жил в Ворвеле в соседней комнате с ним и прекрасно слышал, как этот жирный боров приходил его учить жизни и бил, не щадя розог. – У меня даже в глазах потемнело от этих откровений. Слепая! Какая же я слепая и глупая! – Знаешь, я даже могу понять этого недотепу. Ну не хотел он давать опекуну лишнего повода для битья, вот и терпел изо всех сил. Но ты! Ты-то шего молчал? Никто бы тебе и слова не сказал! Я же видел, как к тебе все относятся! Тьфу, – сплюнул он на пол. – Как к девчонке какой относятся! Разве что платье не надевают.

Я была просто убита этими откровениями и на поддевку даже не обратила внимания.

В это время, в комнату тихонько постучались, и Зарух, не впуская никого внутрь, быстро забрал ведро с водой и чистые лоскуты ткани.

– погоди, я помогу.

И, посильнее стиснув зубы, я постаралась встать.

– Лежи уже, ненормальный, – пробурчал Зарух. – Я сам. Не впервой.

И он окончательно стянул с Нарима штаны вместе с бельем, которое здесь представляло собой нечто, напоминавшее тонкие бриджи с завязками на талии и под коленями. Увиденное заставило выругаться и меня: вся попа несчастного была одной сплошной кровавой мозолью. Бедра тоже были травмированы, но не так сильно. Хотя, в сравнение с тем, что представляла его пятая точка, любая рана покажется не такой уж и страшной. Так, по крайней мере, мне показалось. Зарух даже не стал дотрагиваться до него тряпицей, чтобы обмыть рану от крови и лимфы, а просто ее намочил и выкрутил воду на рану. Нарим застонал от этих манипуляций, но глаз так и не открыл. В несколько заходов Зарух обмыл-таки рану, в конце помогая тряпицей, так как стало более-менее понятно, где можно ее использовать, чтобы не причинить дополнительной боли. Потом он взял какой-то желтый порошок и всем им посыпал им.

– Что это? – спросила я.

– Порошок, – пожал плечами мальчик. – Лекарь использовал его, когда воспитатель слишком сильно старался при моем обучении.

Неожиданная искренность при ответе почти выбила меня из колеи.

– Тебя били?! – не поверила я. – Но ты же принц! Разве за это твоего воспитателя не должны были... обезглавить?!

Он на это лишь криво улыбнулся и искоса на меня посмотрел:

– Любого другого обезглавили бы. Но Метридах, мой воспитатель – доверенное лицо султана. Они росли вместе, и отец ему доверяет как себе. Он же после одного случая позволил ему воспитывать меня розгами. – А потом зачем-то тихо добавил: – Братья были в восторге.

Честно говоря, я совершенно не представляла, как реагировать и на помощь, и на откровения Заруха, а потому решила перевести разговор на другую тему:

– Этот порошок помогает против Лунной пыли⁵?

– А? Да. Наверное. Не интересовался. Просто наш лекарь всегда так делал.

– А потом что?

– Потом нужно будет помазать мазью. Но это позже. Лучше к утру. А пока пусть так полежит. Давай помогу тебе штаны снять.

Невольно я покраснела и смутилась. Всевышний, до чего докатилась?! Зарух будет мне снимать портки! А потом мою голову пронзила еще одна мысль, которая чуть не отбросила меня в глубины паники: «У меня же нет бубенчиков! Ну, в смысле, я же не мальчик!» Однако,

---

⁵ Лунная пыль – аналог бактерий в мире Земли, название и понимание сути которой, пришло из верований этого мира. (См. притчу из первой части цикла «Лейла».)

присмотревшись к Нариму, поняла, что если лежать в такой позе, то никто ничего не заподозрит, так как там ничего и не видно.

Немного успокоившись, я буркнула:

– Не нужно. Я сам... – И спустила с задницы штаны, почувствовав, как при этом отлипает от мокрой кожи белье. Утешало одно: кровь и лимфа еще не успели засохнуть.

– Давай помогу до конца стащить, все равно в этом уже ходить нельзя, да и удобнее будет, – миролюбиво предложил Зарух.

А я попыталась стащить штаны сама, но поняла, что или демаскируюсь, или сделаю себе еще больнее. Поэтому уже без лишних слов согласилась.

Зарух, так же как и на Нарима, начал лить воду на меня. А я стиснула зубы, чтобы не застонать, и подумала, что придется спать на мокром тюфяке. Но лучше уж так, но с обработанной задницей, чем никак.

– У тебя раны не такие страшные, – констатировал после осмотра Зарух. – Но заживать все равно будет долго. – И посыпал мне пятую точку тем же порошком.

Немного зашипало, но не сильно, а через минуту и это прошло. Я посмотрела на Нарима и тяжело вздохнула:

– Я-то смогу залезть на лошадь, но вот Нарим... Да и к чему эти геройства, если завтра нам станет еще хуже? Мы не доедем, две недели на лошади мы просто не протянем.

– Не понимаю, почему вас никто не научил ездить верхом? Это же чуть ли не первое, чему должны учить детей благородного сословия! – возмутился Зарух.

– Понимаешь... Мы никогда не жили особенно богато. Отец после ранения довольно быстро покинул армию, не успев заработать что-то весомое, а деревенька, которая нам принадлежит, никогда не давала большого дохода. После смерти отца все и вовсе пошло под откос, и со мной заниматься было некому и некогда... – самозабвенно врал я, на ходу наполняя придуманную легенду деталями. – А с Наримом и того проще: он попал в воспитанники к Фахриму совсем недавно, а до этого тоже, похоже, жил не так чтобы богато.

В этот момент мне почему-то подумалось: а почему я не воспользовалась своим даром, чтобы узнать побольше о своих спутниках? Ответ пришел тут же: я все еще пыталась быть обычной, забывая о даре, не принимая его до конца. Непроизвольно дистанцировалась от него. Ведь многие знание – многие печали. Да и хотелось, чтобы люди сами рассказывали о себе, по своей воле открывались, а не залазить к ним в память и душу. Ох-ох-ох, не тот Дар мне выдал Всевышний. Ведь кто-то другой с радостью ухватился бы за возможность заглянуть в чужие воспоминания и мысли, а мне хотелось другого.

– Пф! – услышала я недовольный фырк принца. – Да какие же вы после этого дворяне?! Селяне, чуть отмывшиеся от дерьма, – скривил он свои точеные губы.

– Ну, знаешь! Не всем повезло родиться в богатой семье! И, если хочешь знать, я об этом нисколько не жалею! – невольно вспыхнула я.

– Н-ну-ну... – прокомментировал он и начал раздеваться, готовясь ко сну. А через минут десять, когда я уже думала, что он крепко спит, Зарух тихо проговорил: – Завтра я попрошу Фахрима задержаться здесь на сутки.

– Спасибо. Но нас это не спасет.

Он повернул голову в мою сторону. Комнатка была небольшой, и три топчана располагались довольно близко друг к другу.

– Что-нибудь придумаем.

– Угу... – невесело отозвалась я. – И... Зарух... Спасибо тебе.

– Каждый правитель должен заботиться о своих вассалах, – важно ответило мне это недоумение.

– Так мы же не твои вассалы. – «Да и какой ты нам повелитель?!» – тут же хотелось добавить.

Но тут он выдал фразу, добившую меня окончательно:

– Вы путешествуете под моим покровительством, значит я за вас в ответе.

Подобная постановка вопроса мне в голову не приходила, а сомнение мальчика просто поражало. Хотя, если посмотреть с другой стороны, то он уже сейчас берет на себя ответственность за других людей, а это не может не вызывать уважения. А потом я решила: хотя Зарух и ведет себя подчас отвратительно, по сути своей он добрый мальчик и, возможно, со временем, удастся воспитать из него нормального человека. С этими мыслями я и провалилась в тяжелый вязкий сон, в котором то от кого-то убегала, то кого-то догоняла, но все это время мне жутко болела задница.

Благодаря Заруху мы не выехали ни через день, ни через два. Посовещавшись втроем, мы с Наримом решили притвориться, будто простудились, а Зарух закатил показательную истерику, что не поедет в путь с двумя больными, и либо мы вылечимся и только тогда отправимся в путь, либо он напишет письмо своему воспитателю, так как не собирается терпеть в дороге двух лихорадочных молокососов.

Честно говоря, с момента, когда Зарух нам помог, я испытывала к нему двойственные чувства. Вот вроде бы старался парень сделать все правильно, и даже мотивы у него тоже хорошие, правильные, вот только делал все это так, что хотелось голову ему оторвать! И ведь понимала, что действует в рамках своего образа и воздействует на окружающих, как умеет, а все равно бесило.

А на третий день нашей остановки нас нагнал Ромич с охранником. Как оказалось, парень неплохо умел держаться в седле, он научился ездить верхом, когда гонял табун на выпас за город. Тогда они катались без седла и, как мне объяснил позже Ромич, техника езды там другая, однако подсказки попутчика позволили ему не стереть задницу. Но мазь я ему на всякий случай все равно выдала – видела, как он морщился, когда присаживался на лавку. Но его мозоли не шли ни в какое сравнение с теми, что красовались на наших с Наримом задницах.

– Что будем делать? – задала я самый животрепещущий вопрос. – Лекарь уже смотрит на нас с подозрением и совсем скоро поделится ими с Фахримом.

Нарим на это лишь тяжело вздохнул и аккуратно присел на тюфяк. Мы с ним уже вполне сносно могли сидеть, так как снадобья Заруха оказали на наши раны почти волшебное действие. Однако это не значило, что мы сможем уже завтра нормально ехать в седле.

– Вам бы подушки перьевые под зад подстелить, сразу стало бы не так больно, – протянул Зарух с задумчивым видом и, увидев наши удивленные взгляды, почему-то начал оправдываться. – Просто я однажды видел, как наш конюх пытался мою сестру в седло посадить. Была у нее одно время такая блажь. Ничего, правда, не вышло, все ей что-то мешало. Не женское это дело. Так вот он ей под задницу все пытался подушечку подсунуть, чтобы помягче было.

– А в Тализии, говорят, благородные женщины на лошадях ездят и ничего им не мешает. Мода, говорят, такая у них теперь. Фахрим как-то даже возмущался, что эта мода даже в Фаргоцию уже пришла, и не дай, мол, Всевышний до Турании доберется.

– Ну конечно, верь этим россказням больше! – передернул плечами Зарух. – Даже если это увлечение и в моде в этих странах, в Турании подобному не бывать. Женщина создана, чтобы ублажать мужчину и рожать детей, и нечего ей по лошадям ползать, – с непробиваемой уверенностью в голосе провозгласил принц, явно поддерживаемый всеми собравшимися в комнате, а ведь к ним присоединился и Ромич.

Я на это закатила глаза и невинно так спросила:

– Интересно, а женщина – это человек или пришелец?

– В смысле? – не поняли меня мои оппоненты.

– Ну, может, они пришельцы там какие-нибудь. Прилетели, скажем, с какой-нибудь звезды и живут среди нас.

– Что за бред ты несешь?! – возмутился Зарух.

– Да вот просто думаю, если она, как и мужчина, человек, и отличается от того же мужчины лишь тем, что имеет грудь и может рожать детей, то есть обеспечивать будущее этого самого человечества, то скажите мне, господа хорошие, почему тогда эту несчастную женщину и за человека-то с трудом считают, если она может гораздо больше мужчины? – Эти самые мужчины, что находились сейчас в комнате, возмущенно встрепенулись, готовые ринуться в бой и отстаивать свою точку зрения. Однако я подняла ладонь, заставив придержать свои аргументы и продолжила: – Не нужно мне ничего говорить! Еще ни один мужчина не родил ребенка, а это будущее как отдельной семьи, так и всего человечества в целом. Так вот сижу я и думаю: если женщина такой уникальный сосуд жизни, который, конечно, не может наполниться без мужчины – что есть, то есть – то почему мы, мужчины, так усиленно нивелируем ее значение в нашей жизни, намеренно обделяя ее возможностями, и наделяем чертами умственно отсталой части населения? И тут я возвращаюсь к вопросу: может, женщины – это пришельцы? Или все-таки люди, которых намеренно лишают возможности развиваться и постигать новое? И почему тогда мужчины так себя ведут?

В комнате воцарилась тишина. Зарух несколько раз открывал рот в попытке что-то возразить и снова закрывал его. Наконец, он решительно выпятил вперед подбородок и выдал:

– Потому что мужчины умнее, сильнее и... и... и право имеют!

Я хотела дальше продолжить этот разговор, но не стала. Гору не свернуть сразу, буду подтачивать ее постепенно. А потому лишь покачала головой и вернулась к той теме, с которой, собственно, и началось наше совещание:

– Кстати, идея с подушками, по-моему, хорошая. Только где мы возьмем эти самые подушки? Нам ведь нужны небольшие, в идеале такие, чтобы можно было подложить в штаны и примотать к бедрам. Иначе у наших спутников возникнет слишком много вопросов.

Нам староста не выделил ни одной, лишь купцу и профессору досталось по одной объемной подушнице.

– Если мы возьмем хотя бы одну, то это заметят, – пожевав губами, выдал вердикт Ромич.

– Точно, – согласился с ним Нарим.

– А откуда берется этот пух и перо? – огорошил нас вопросом Зарух. Мы втроем недоуменно на него уставились. Нисколько не смутившись, принц развил свою мысль: – Если мы узнаем, откуда берется пух, то есть шанс, что сможем его достать. А потом вы сошьете нужного размера подушечки и сами засунете туда этот пух.

Мы с мальчишками переглянулись.

– Знаешь, Зарух, иногда в твоей голове рождаются замечательные идеи! – потрепала я его по плечу. – Пойдем, я покажу тебе загадочный источник пуха. Это драгоценное знание открывается отнюдь не каждому. Но для тебя мне ничего не жалко! Вперед, Зарух, сейчас твой внутренний мир обогатится еще одним сакральным знанием!

Нарим и Ромич усиленно делали серьезные лица, стараясь не выдавать расправившего их смеха, однако озорные огоньки в глазах скрыть были просто не в состоянии.

– О да! – торжественно проговорил Ромич и положил ему на плечо руку. – Я хочу быть рядом с тобой, когда ты получишь это знание.

Нарим тоже вскочил с топчана, но класть свою руку на плечо принца не стал.

– Вперед, друзья мои! Вперед навстречу знаниям!

И мы повели удивленного и немного дезориентированного нашим поведением принца на птичник.

Ой, как он потом за нами бегал! Однако это не помешало нам хохотать во весь голос, хотя задница и отдавалась болью. Но Зарух быстро остыл и тоже смеялся вместе с нами, но по глазам было видно, что эту шалость он нам еще припомнит.

К созданию подушечек мы подошли со всем тщанием, а потому на следующее утро все гуси на птичнике старосты красовались голыми, ничем не прикрытыми тельцами. Перепуган-

ный внешним видом своей живности хозяин пытался найти виновника, но мы все делали удивленные лица, а Ромич с умным видом заявил, что, скорее всего, виновата гусиная стригущая блошка. И ему нужно хорошенько помыть своих птиц колодезной водой и покормить хорошим зерном. После чего мы все дружно расселись по седлам и отправились в путь, не в силах забыть престранное выражение лица старосты, который все никак не мог решить: это мы так поиздевались или стригущая блошка и правда существует и орудует на его птичнике.

Глава 4

Вопреки ожиданиям, ехать с собственноручно сделанной подушечкой под задницей было на удивление комфортно. Конечно, после нескольких часов езды дискомфорт начинал ощущаться гораздо острее, но благодаря частым остановкам, которые капризно в своей неповторимой манере требовал Зарух, а также его постоянным подсказкам и одергиваниям, как нужно правильно держаться в седле, путь уже не казался нескончаемой пыткой, как мы с Наримом невесело ожидали. А после недели пути мы уже вполне сносно держались в седле, забыв про боль в пятой точке и весело болтая обо всем на свете.

Все это время мы заезжали на ночлег лишь в деревни и небольшие города. Мне это давало возможность оценить, насколько отличаются наши культуры. И были эти различия уже не столько визуальными, сколько воспринимались на эмоциональном уровне. Здесь ощущалось больше свободы, что ли. Причем, как у мужчин, так и у женщин. Скорее всего, это было следствием их культуры и немного других религиозных догм. Здесь, как и в Эльмирантии, верили в одного Бога и даже называли его также – Всевышним. Имелся и Бог антипод – Темный. Однако сама религия и даже отношение к женщине были более толерантны. Хотя и здесь женщина считалась по своей сути существом грешным, но должным уже больше не мужчине, а самому Богу. Это если передавать кратко и самую суть.

Вообще же с религией в известных мне странах складывалась очень интересная картина. Так в Эльмирантии и Турании верования были очень схожи, хотя в Турании женщина имела еще меньше прав и свой отпечаток накладывало устройство султаната. В Фаргоции божество было более толерантным. В том плане, что и женщины, и мужчины должны были ему примерно одинаково, а женщина представлялась не как раба мужа, а скорее как та, кого этому мужу, отцу, брату, нужно защищать. Конечно, на практике все было не так радужно, однако тенденция мне нравилась. Ну и про Тализию я уже рассказала, стоит только добавить, что, не смотря на силу религии в умах людей, нравы здесь были более свободными, чем во всех перечисленных мною странах. Я бы даже могла сравнить их в чем-то с нравами французов средневековья.

Однако, что меня действительно поражало, так это общая начальная концепция этих религий и что, несмотря на огромные расстояния между этими странами, в каждой из них поддерживалось монотеократическая модель государства, при которой сочетается единовластие главы государства, подкрепленное религиозными догмами и, в данном случае, верой в ОДНОГО Бога, даже имя которого осталось неизменно! Невольно это наталкивало на мысль, что когда-то все эти страны были связаны друг с другом гораздо крепче, чем это можно представить! Ведь религия, как и культура, имеют тенденцию развиваться и изменяться вместе с людьми, и этим можно объяснить имевшиеся сейчас между странами различия. Но как такое возможно, я пока объяснить не могла. Не хватало ни исторических данных, ни просто более полной информации. Одно то, что такие огромные, даже в представлении современного землянина, страны все еще сохраняли свою целостность, несмотря на смену правителей, рождало довольно интересные мысли. Это ведь, с точки зрения все того же землянина, практически невозможно! И история любой страны Земли яркий тому пример. Да что говорить! Если Фаргоция атаковала Тализию впервые за двести лет! И наличие горной гряды на большей части границы с ней – не оправдание.

Профессор как-то под большим секретом мне рассказал, что нашел в запасниках университета несколько старинных свитков, в которых расшифровал, что подобное равновесие в старину обеспечивалось некими то ли артефактами, то ли какими-то заговоренными договорами, то ли еще каким-то секретом, разобрать который он, к несчастью, не смог. В любом случае, даже из этих скудных сведений становилось понятно, что во время основания этих стран Дар

и все его аспекты были распространены гораздо шире, чем робко пытались внедрить сейчас. И использование этого самого Дара тогда до сих пор влияет на геополитику всех стран сейчас. Напрашивался вывод, что сами эти страны были основаны и зафиксированы в теперешнем виде не простыми людьми, а людьми с Даром, которые и соединили их торговыми путями. И почему-то мне казалось, что тогда морской путь был не единственным. Если дать разыграться фантазии, то можно представить, что когда-то все эти страны существовали на одном континенте.

Но это все всего лишь мои размышления и домыслы, которым я предавалась дорогой, сидя на мерно покачивающейся спине лошади.

– Ну что, может, прокатимся немного? А то я уже не могу плестись, как беременная черепаха! – подъехал ко мне недовольный Зарух.

Я на это лишь закатила глаза. Этот неугомонный мальчишка за последний час успел сказать мне эту фразу раз десять! Ну какой я ему резвый наездник? Научилась медленно тащиться, не обдирая зад – и слава Всевышнему! Так нет! Ему, видите ли, одному скучно, давай скачи с ним! Нарим, несмотря на свой довольно нерешительный характер, отказал ему сразу и довольно резко. Видимо, воспоминания о наших первых днях пути были еще слишком свежи в его памяти. А я, заскучав от однообразности пейзажа, согласилась. Правда, тут же об этом пожалев, так как резвый мальчишка с упорством, требовавшим лучшего применения, заставлял меня скакать во всю прыть, мало заботясь и о моей заднице, и о моих нервах. Вот и сейчас он уже битый час мучил меня своими предложениями. Однако ехать в медленном темпе и правда было скучновато, поэтому, скрепя сердце и собрав волю в кулак, я согласилась.

– Хорошо! Только, чур, ты меня не гоняешь, как бешеный! Не переживай, – перебила я собравшегося возразить Заруха, – плестись мы не будем, но и скакать сломя голову тоже!

– Но это же так здорово! Я тебя не понимаю!

– Конечно, здорово! Но это здорово наступает в тот момент, когда ты начинаешь чувствовать свою лошадь и себя в седле! А я только учусь! И когда темп езды становится слишком быстрым, вместо удовольствия я начинаю испытывать только страх! – попробовала я объяснить ему свои чувства.

– Мужчине не пристало испытывать страх! – гордо выпятив грудь вперед, выдал этот мальчишка.

– Ладно, я не боюсь, но мужчина ведь может испытывать здоровые опасения? Ведь без них можно и вовсе остаться без головы.

– Чего же тут опасаться? – не отступал Зарух.

– Да элементарно выскочить из седла и сломать себе шею! – не выдержав, рявкнула я.

– Ладно-ладно. Поехали в том темпе, который хочешь ты. Это все равно будет быстрее, чем мы плетемся сейчас, – наконец, примирился с моими требованиями он.

И мы поскакали, предупредив Фаруха и пообещав далеко не удаляться. Он уже привык к постоянным отлучкам принца и был только рад, что рядом с ним буду я – от любой охраны мальчик категорически отказывался, несмотря на все увещевания. А когда Фарух все же высылал за ним провожатого, то делал все, чтобы от того оторваться, превращая это в забаву, и скакал так, что лучше было за ним вовсе не гнаться и не провоцировать неприятностей.

Поначалу мы хорошо проводили время, я начала получать истинное удовольствие от езды на своей Звездочке – молодой лошади с белым пятнышком на лбу. Она неслась, радостно пофыркивая и наслаждаясь скоростью. Потом мы с Зарухом не сговариваясь замедлились и поехали рядом.

– Лей, почему тебя отправили учиться именно в Тализию? – Я не очень поняла вопрос, что отразилось на моем лице. – Ты же из небогатой семьи... – Я кивнула, соглашаясь. – ...

а обучение в ТУШке⁶ стоит немалых денег. – Я поняла, к чему он клонит, но как ответить, чтобы окончательно не завратиться, не знала. Он же, видя мою заминку, продолжил: – Я могу объяснить твое нахождение здесь только двумя вещами: у тебя появился богатый покровитель, к которому ты обязан будешь поступить в услужение после обучения, или... у тебя есть Дар – тогда тебя возьмут учиться бесплатно.

После этих слов мы несколько минут ехали молча. Да-а, как-то не думала я, что эта поездка выльется в такой серьезный разговор. Наконец, спросила:

– А что изменит мой ответ?

– Видишь ли... – протянул он. – Влиятельные и богатые люди просто так не любят тратить деньги. Это мне мой воспитатель втолковал очень хорошо. – Кривая улыбка исказила его черты. А я подумала, что быть принцем – непростая задачка, если уже в десять лет парень прекрасно разбирается в таких вещах и в любых действиях ищет мотивы окружающих. – А за те деньги, что он потратит на твое обучение, он вполне может нанять хорошего секретаря или помощника и без подобных затрат денег и времени. Вот и получается, что если такие люди и учат обедневших дворян, то лишь с целью использовать не только их профессиональные качества... Ты меня понимаешь?

Как взрослый человек я прекрасно понимала, к чему клонит Зарух. Но откуда ему, десятилетнему пацану, знать такие подробности? Да уж, нелегкое, видимо, выдалось у него детство. А может, я просто вконец испорчена и поняла все совсем не так?

– Н-не совсем, – наконец, выдала я. – Меня могут использовать как шпиона, женить на ком-то ради наследства и все отобрать?

Зарух закатил глаза:

– Да кому ты сдался шпионом?! Для этого нужно учиться в другом заведении и у других людей! – Потом немного подумав, добавил: – А с наследством ты неплохую комбинацию придумал. Но сейчас в моде у аристократии другие развлечения.

– И?

Он как-то странно покосился на меня:

– Сейчас модно иметь при себе секретаря с образованием, который выполняет услуги и... интимного характера.

– С женой его спать, что ли?

– Ну зачем же с женой... С женой он и сам может. Сейчас модно иметь женоподобного секретаря, который в силу обязательств просто не может отказаться от приставаний своего работодателя, а по сути хозяина.

– Но это же дикость! – почти прокричала я, когда до меня, наконец, дошло, что он имел в виду.

Ладно Земля с ее меньшинствами и гипертрофированной толерантностью, когда быть геєм – модно. Дикость, конечно, подрывающая все моральные устои человечества, но факт остается фактом. Я не против геєв, я против того, что в обществе целенаправленно культивируют развитие однополрой любви. Конечно, из-за того, что человек геє, нельзя снижать его ценности как личности, и нам еще нужно этому учиться. Но сейчас же, куда ни плюнь – геє. И что, у всех другая ориентация? Да не смешите! Тогда бы человечество уже давно выродилось.

Ладно, когда геєями, помимо действительно другой ориентации, становятся мальчишки, которые встали на этот путь в силу каких-то психологическим травм... Даже это можно понять, хотя простое обращение к психиатру тоже никто не отменял. Но, если не хотят иметь нормальную полноценную семью с детьми и будущим – не надо. Это их дело! У каждого своя дорога. Однако когда по этой дорожке идут, просто потому что это модно или их к этому вынуждают – так быть не должно! Именно поэтому рассказ Заруха вызвал во мне такое неприятие. Модно,

---

⁶ Тализийской Университетской Школе

видите ли, нынче иметь свободного, который будет выполнять все твои причуды! Неужели в высшем свете уже наступила такая пресыщенность и падение нравов, что подобное извращение считается нормальным?! Ведь эти аристократы не просто занимаются непотребством с мальчиками, они возводят это действие в некую культуру. Ведь такой игрушкой должен быть образованный свободный мальчик в чине секретаря, и особенным шиком, как я поняла, считается, если этот мальчик благородного сословия. Только вот что будет с этим мальчиком, когда с ним наиграются? От этих мыслей меня передернуло.

– Я не понимаю, они что, Всевышнего не боятся?

– Как раз Всевышнего и не боятся, – флегматично согласился Зарух. – Дело в том, что во всех Заветах⁷ четко прописано: «Не согреши с женщиной чужой». А про мужчину – ни-ни.

– Но это же... это же... Да у меня слов нет, как это гадко!

– В Турании проще: там можно иметь три жены, и, если какая-то надоела или ведет себя неподобающе, всегда можно от нее отказаться и заменить на другую. Если хватит денег, можешь и гарем завести. Такая женщина по Тур-Завету перед Всевышним все равно будет считаться твоей. А вот у вас в Эльмирантии вон какую штуку придумали. Воспитатель долго смеялся, рассказывая о ваших смешных традициях и как в погоне за разнообразием ваши мужчины их обходят... – рассказывая мне об этом, принц не переставая жестикулировал и почти не смотрел в мою сторону.

Я просто зависла от услышанного. Как, оказывается, я была далека от всей этой грязи, сидя у себя в провинции! Теперь я отчасти понимала его высокомерное отношение к нам с Наримом – негоже принцу общаться с будущими подстилками аристократов. Да уж. Хотя Нарим же из Турании. Значит, с ним другие заморочки. Хотя демонстративное презрение Заруха ко всем окружающим может быть просто защитной реакцией, маской... или обычным состоянием мальчика.

– Я что, настолько похож на девчонку? – решила все же уточнить царапнувший меня момент.

– Ты? Ну, как тебе сказать... Ты всю жизнь прожил с матерью, редко видел отца, и я могу понять некоторые твои ужимки, но иногда... Да ты даже ходишь как девчонка!

– Это как?

– Как-как... Шаги мельчишь, двигаешься слишком плавно, даже улыбаешься не так.

Я насупилась. Ну вот, старалась, старалась походить на мальчишку, и ничего у меня не вышло.

– Ты прав, я вырос с матерью, сверстников моего положения рядом не было, а с деревенскими она мне играть запрещала, поэтому я большую часть времени проводил с ней... – Сочиняла я очередные «подробности» своей жизни. – Может, от этого я и... Но я не хочу походить на девчонку, Зарух! И нет у меня никакого покровителя! – Я решила, что лучше уж признаюсь ему, что имею Дар, чем он подумает, будто я или мои близкие согласились на то непотребство, о котором он мне только что рассказал. – У меня Дар.

После признания я буквально кожей ощутила, как внутренне выдохнул Зарух. Внешне его облегчение выразилось в озорной улыбке и решительном заявлении:

– Не хочешь быть девчонкой – не будешь! Уж я об этом позабочусь!

И, прищипорив свою лошадь, вихрем понесся вперед. Мне после всех этих откровений было не до веселья, но Зарух очень быстро вернулся назад и, подгоняя меня чуть ли не тычками, вынудил скакать во весь опор, весело подбадривая задиристыми фразами, от чего настроение неуклонно поползло вверх.

---

⁷ Завет – собрание текстов, являющихся священными для верующих во Всевышнего. Существует несколько видов Завета: Эль-Завет, почитаемый в Эльмирантии; Тур-Завет, почитаемый в Турании; Фар-Завет – почитаемый в Фаргоции, Тал-Завет, почитаемый в Тализии. В каждом из этих заветов есть общая основа, однако, дополненная своими текстами, вызванными культурными различиями этих стран.

Веселые и покрасневшиеся, мы остановились перед въездом в лес и пустили лошадей шагом, решив дождаться наших сопровождающих. В лесу было не так жарко, а широкая наезженная караванами дорога позволяла не цепляться за ветки. Проехав немного вперед, я ощутила странный диссонанс. Не могла объяснить, что чувствовала, и невольно замедлила шаг лошади настолько, что она остановилась. Зарух тоже затормозил и с удивлением посмотрел на меня. А я просто не понимала, что со мной творится. Сознание разделилось. Одной своей частью я была все той же Лейлой, которая ехала по светлому летнему лесу с Зарухом и выдавала себя за мальчика Лея, а другой – нетерпеливым, алчным, озлобленным, трусливым и сосредоточенным существом. Причем, не кем-то конкретным. Казалось, будто сам воздух где-то впереди резонировал всеми этими отвратительными чувствами.

– Не понимаю... Такое чувство, что там, – я указала рукой вперед, – наш ожидает что-то враждебное.

Вопреки моим ожиданиям, Зарух не стал смеяться, а лишь коротко спросил:

– Это твой Дар предупреждает?

– Да, то есть я не знаю, такого раньше никогда не было...

– Погнали предупредим остальных, – серьезно сказал мальчик и повернул коня в обратную сторону.

– Но я не знаю точно! Может, мне только показалось...

– Мой воспитатель говорит, что всегда нужно верить своим предчувствиям. Лучше мы сейчас ошибемся, чем позже будем жалеть.

И он уже почти развернулся, когда прямо к ногам моей лошади прилетела стрела, отчего Звездочка испугалась и взвилась на дыбы. Из меня наездник еще тот, но я из последних сил попыталась удержаться в седле, вцепившись в уздечку. Рядом тоже самое делал Зарух, но с куда большим успехом. Просвистевшая прямо над ухом стрела свела все мои потуги на нет, лошадь резко рванулась вбок, и меня буквально вышвырнуло из седла. Рухнув на землю спиной, почувствовала, как воздух выбило из легких, а в глазах потемнело. Несколько долгих мгновений я пыталась вдохнуть кислород, но у меня не получалось! Когда в глазах прояснилось, я увидела зеленые, подсвеченные солнечным светом ветви деревьев. Воздух все так же отказывался поступать в легкие, к горлу уже подкатывала паника. Идиллическая картинка над головой показалась какой-то издевкой мироздания. Вот, мол, смотри, этому миру все равно, есть ты на этом свете или нет, он существовал до тебя и будет существовать после, а ты смотри, впитывай его краски последние секунды своей жизни, и, возможно, сможешь забрать куда-то за грань хотя бы кусочек этого воспоминания...

Но в следующее мгновение мне все же удалось вдохнуть раз... другой... третий...

– ...Ну же, Лей, вставай! – видимо, уже не в первый раз прокричал мне Зарух, гарцуя вокруг на своей лошади.

Я, судорожно вдыхая, огляделась и, не обращая внимания на ноющую спину, тут же вскочила, увидев, как невдалеке шевелятся кусты. Зарух мгновенно протянул руку и с силой, которой я не ожидала увидеть у мальчишки, буквально затащил меня на лошадь и усадил перед собой, что-то резко выкрикнул, и рванула с места. Я успела увидеть, как несколько стрел воткнулись рядом с копытами в землю, но лошадь выскочила из леса и помчалась навстречу каравану. Немного впереди скакала и перепуганная Звездочка, уздечку которой каким-то чудом сумел схватить Зарух. Звездочка быстро успокоилась и поскакала рядом, я же не могла унять заполошно бьющее сердце – нас ведь чуть не убили! Так мы и вернулись.

Зарух быстро рассказал о случившемся, и начальник охраны купца, взяв с собой своих четверых воинов, отправился по нашим следам, а пятеро из охраны султана остались с нами.

Купеческий караван на самом деле – всегда привлекательная добыча, но и десяток вооруженных тренированных людей в сопровождении – это приличная сила по местным меркам. Наверное, потому нападавшие и стреляли по нам с Зарухом, чтобы не успели предупредить.

– Ваше Высочество, Ваше Высочество! – раздалось совсем рядом. – С вами ничего не случилось?! – Фахрим чуть с лошади не свалился в стремлении выразить Заруху свою озабоченность его здоровьем. – Где же ваш лекарь? Где этот бездельник? – выкрикивал он, беспорядочно вертя головой и обращаясь непонятно к кому.

– Я здесь, уважаемый Фахрим-аха, – спокойно ответил подъехавший лекарь, еще довольно молодой очень худой мужчина высокого роста. Почему-то, сидя на лошади, он очень напоминал мне Дон-Кихота. Из образа выбивались разве что очень опрятный внешний вид лекаря и борода, заплетенная в длинную светлую косицу. – Судя по внешнему виду, Его Высочество замечательно себя чувствует. А вот его товарища я бы осмотрел.

– Да и со мной все в порядке, – буркнула я, думая совсем о другом. – Пара ушибов – сущая ерунда.

– И все же, я попросил бы вас обоих слезть с лошади и пройти осмотр.

Нам ничего не оставалось, кроме как подчиниться. И если я себя осмотреть дала, то Зарух лишь высокомерно вскинул голову и отошел подальше, плюхнулся на траву и начал, гоняя в зубах какой-то стебелек, поглядывать в сторону уехавшей в лес кавалькады.

Дождавшись окончания осмотра, который, кроме нескольких синяков, ничего не выявил, ко мне подошли Нарим, Ромич и профессор, которым я вкратце поведала о наших приключениях. Повздыхав и наказав заканчивать с этими прогулками, профессор решил воспользоваться незапланированной остановкой и сделать кое-какие записи, утянув с собой Ромича, чтобы помог. Профессор ответственно подошел к легенде, придуманной для парня, и как только мог привлекал Ромича к помощи себе любимому.

Мы же с Наримом отправились к Заруху.

– Зарух, – начала я, плюхаясь на траву рядом с ним. – Я хотел сказать тебе спасибо. Снова.

– За что? – вяло удивился он.

– Ты спас меня. Не оставил там. Без тебя меня бы точно убили.

Я осознала, как близка была к смерти, и дышать снова стало тяжело. Внезапно этот ненормальный взвился, как пущенная стрела, и, схватившись за висящий на его поясе кортик, выдал:

– Ты хочешь меня оскорбить, недовыкормыш шакала?!

От такой быстрой смены настроения и положения в пространстве Заруха, я на какой-то момент даже подвисла, пытаясь осознать, чем подтолкнула его к таким выводам.

– Зарух, я вовсе не хотел тебя оскорбить! Честно! Я хотел просто поблагодарить, и все! Скажи, что ты увидел в моих словах такого, что готов броситься на меня с ножом?

Я поднялась с примятой травы на ноги и встала напротив мальчика. После моих слов он немного расслабился, но продолжал смотреть враждебно и недоверчиво.

– Ты только что допустил мысль, что я мог, как последний трус, бросить тебя на поле боя!

Рука-лицо! Но если посмотреть с этой стороны, то и правда выходит некрасиво.

– Прости, Зарух. – До меня дошло, что я никогда не звала его ни Ваше Высочество, ни элементарно на «Вы», как того требовал этикет, но он ни разу меня не одернул, лишь поначалу смотрел с презрением, но уже привык. – Я клянусь своей жизнью, что не хотел тебя обидеть или как-то задеть. Просто ты поступил очень смело и самоотверженно, и я лишь хотел подчеркнуть это!

Взгляд мальчишки оттаял, он начал ходить взад-вперед, отчитывая меня за промах:

– Как ты мог допустить мысль, что я, принц Турании, последователь всех традиций султаната, брошу в беде своего товарища?! Как у тебя язык повернулся сказать такие нехорошие слова? Разве я хоть когда-нибудь давал тебе такой повод?

Я же из всей этой речи вычленила только одно:

– Зарух, – тихо позвала, он услышал и остановился, продолжая буравить меня возмущенным взглядом, – ты считаешь меня своим товарищем?

Широко раскрытые глаза принца дали понять, что он и сам, похоже, как-то не задумывался над тем, как теперь ко мне относится. А я заторопилась добавить, чтобы он, не дай Всевышний, не расценил и этот вопрос как оскорбление:

– В смысле, я тоже считаю тебя своим другом и искренне рад, что не одинок в своих чувствах.

А Зарух внезапно расхохотался, не зло, а очень весело, отчего мы с Наримом, переглянувшись и тоже заулыбались.

– Нет, Лей, – наконец проговорил принц, – ты точно девчонка! Мы же вместе побывали в бою. Если бы не ты, мы бы въехали прямо к ним в руки, а я помог нам быстро унести ноги. Теперь мы почти товарищи по оружию. И когда официально его получим, обязательно при подобных обстоятельствах встанем плечом к плечу! – уже почти пафосно закончил он свою речь с непоколебимой верой в свои слова. А я подумала, что этот парень полон сюрпризов, и его идеализм мне определенно нравится. Но последовавшее за этим уточнение убило этот настрой: – Но друг и товарищ по оружию – это не одно и то же. Ты, как будущий воин, должен это усвоить! – явно кому-то подражая манерой излагать мысли, проговорил принц.

А я подумала, что сейчас именно я начищу ему рожу, и пусть понимает это как хочет.

Внезапно в нашу беседу вклинился неуверенный голос Нарима:

– Ваше Высочество, прошу прощения, что вмешиваюсь в разговор, но, похоже, Вы ранены. И, судя по всему, чем-то отравленным.

Мы оба недоуменно посмотрели на нерешительно лопотавшего парнишку, потом друг на друга, а потом Зарух, оправдываясь, сказал:

– Да меня просто по касательной задело. Сушная царапина! – он продемонстрировал тыльную сторону левой ладони – на ней и правда оказалась неглубокая царапина, вокруг которой даже издали уже были видны какие-то непонятные изменения. – Стрела задела, когда я тебе руку протягивал. Ты тогда еще не реагировал. Ударился, видимо, сильно.

Я подошла и взяла его руку, посмотрела внимательнее:

– Зарух, Нарим прав. Что-то с этой ранкой нечисто. Смотри, какого она стала странного цвета и начала... как будто разъедать края... И вот, видишь, область вокруг нее уплотнилась и тоже начала менять цвет... – Я в волнении посмотрела в глаза мальчику. – Бегом к лекарю!

После осмотра ранки ни у меня, ни у Заруха не возникло даже тени сомнения в словах Нарима об отравлении. Поэтому принц тут же побежал к лекарю, и мы за ним следом. Диагноз подтвердился, и лекарь Заруха, слегка побледнев, тут же зарылся в свой сундучок, извлек небольшой пузырек, собираясь полить им ранку.

– А может, нужно сначала отсосать яд? – в нетерпении вытягивая вперед шею, чтобы получше рассмотреть манипуляции Дон-Кихота, выпалила я, вспомнив, как видела какой-то фильм, где главного героя укусила змея.

Лекарь сверкнул на меня глазами так, что моя голова тут же сама собой втянулась в плечи. Но удивило то, что ответил мне отнюдь не он.

– Судя по виду, это не змеиный яд, – тихо, но от того не менее уверенно проговорил Нарим. – Скорее, растительный, с эффектом онемения тканей, ведь принц совершенно не ощущал, что у него что-то болит, пока я не указал ему на рану, ведь так? – Зарух с непередаваемым выражением удивления, уважения и недоверия кивнул мальчику. – Вот, и если посмотреть на края, то можно заметить сиреневый оттенок, а это явный признак сока Орсунки. Очень неприятное растение, и очень редкое. Оно плотоядно, привлекает внимание травоядных ярким зеленым оттенком и мясистой листвой. Когда животное их ест, сок отравляет его, разъедает ткани, на которые попадает, и первым делом обезболивает, а потом вызывает онемение и омертвление тканей. Когда зверь умирает, его тело под действием яда быстро разлагается, а корни растения – самое уязвимое его место, выползают наружу и питаются останками...

Волосы на моей голове зашевелились, но Нарим еще не закончил лекцию:

– ...В данном случае яд дальше уже не пойдет – не та концентрация. Вот если бы стрела с отравленным наконечником попала в тело рядом с сердцем или любым другим органом, то онемение наверняка закончилось бы смертью. А здесь нужно лишь правильно обработать рану, чтобы приостановить разложение тканей, и хотя бы частично вернуть чувствительность. Это уважаемый лекарь сейчас и делает.

– Именно! – поддержал тот Нарима. – Принцу очень повезло, что стрела угодила в руку. Никаких последствий, кроме небольшого неудобства и участка омертвевшей плоти между большим и указательным пальцем, не будет. К рассказу этого юноши могу лишь добавить, что достать сок Орсунки очень сложно даже на черном рынке. А уж о цене нечего и говорить. – А потом лекарь обратился к Нариму. – Молодой человек, скажите, откуда вы знаете о таком редком растении? Признаться, вы меня очень удивили!

Ага, как и нас с Зарухом. Нарим как-то сразу растерял уверенность, с которой рассказывал об Орсунке, зарделся и потупился:

– Мне мама рассказывала.

– Она была знахаркой? – еще больше заинтересовался лекарь.

Щеки мальчишки вспыхнули огнем негодования, губы как-то странно задрожали, но явно не в готовности расплакаться, скорее, в тщетной попытке удержать слова. Вопрос явно лекаря задел какие-то потаенные струны, связанные с прошлым мальчика.

– Моя мать происходит из знатной семьи! – гордо и с вызовом заявил он. – Да, она знает много о травах и их применении, да, она иногда даже помогала тем недостойным, что еще жили на нашей земле, пока мы не разорились, и да, наша семья обеднела после смерти отца, но это не дает вам право называть ее знахаркой!

Нарим был вправе обижаться, ведь знатная женщина не может быть знахаркой – это позор. Она может увлекаться травами и даже помогать кому посчитает нужным, но любой намек на то, что у нее может быть нечто вроде профессии или просто какого-то приработка влечет за собой осуждение общества. Вот такие дела...

Лекарь, поняв свою оплошность, начал извиняться и говорить, что вовсе не хотел оскорбить ни Нарима, ни его мать. А мне почему-то показалось, что в его интонациях сквозила едва заметная фальшь, будто, несмотря на все его заверения, он как раз и хотел задеть мальчишку. Но зачем? Почему-то пришло понимание – это мелкая месть. За что?

Тряхнув головой, я отогнала неуместные сейчас мысли и заметила, что Зарух с уже обработанной и перевязанной рукой в задумчивости брел куда-то по разнотравью окружающих нас полей. Переглянувшись с Наримом, мы, не сговариваясь, двинулись следом за принцем и так же не сговариваясь некоторое время шли рядом с ним молча. Наконец, я убедилась в том, что Зарух заметил наше присутствие и спросила:

– У тебя много недоброжелателей? – Он на это лишь криво ухмыльнулся. – И когда только успел-то насобирать?

На это, как ни странно, он ответил, и ухмылка из презрительной стала какой-то горькой:

– Для этого достаточно родиться сыном султана.

Я понимающе склонила голову, но все же не отстала с расспросами:

– Но кто же ненавидит тебя настолько, что готов пойти на убийство?

В то, что хотели убить меня или уж тем более кого-то другого, я не верила. Некоторое время принц молчал, и когда я уже решила, что он отвечать не собирается, произнес:

– Чтобы убить, меня не нужно ненавидеть. Достаточно просто желать изменить баланс сил в окружении султана. – Спокойно и как-то отрешенно объяснил, потом как-то особенно яростно сверкнул глазами и проговорил уже совершенно другим тоном, в котором обычные слова перемежались рычащими звуками: – Только вот кто эта тварь?! Узнаю – собственными руками задущу алой лентой!

Он выхватил из ножен кортик, несколько раз яростно им махнул и демонстративно быстрым шагом от нас отделился, всем своим видом показывая, что не хочет нашего присутствия рядом.

– Мда-а...

– Угу... – согласился со мной Нарим.

– Знаешь, а мне вот интересно не то, кто заказал его убийство, а кто в нашем отряде исполняет это поручение.

– Ты думаешь, что убийца в нашем отряде?! Но ведь на вас напали какие-то разбойники!

– Напали-то разбойники. Но кто-то же снабдил их редким ядом и рассказал, что Зарух любит скакать впереди каравана. Зачем стрелять в двух мальчишек, с которых и взять-то нечего, если чуть позади идет целый караван с товаром?

Нарим задумался, некоторое время мы молча возвращались по дороге к каравану, по очереди пиная подвернувшийся под ноги камешек. Может, мои выводы все же неверны?

– Слушай, а что значить – задушить кого-то алой лентой? Это что, оружие какое-то, причиняющее особенную боль?

Нарим сначала удивился, потом откровенно расхохотался:

– Нет! Что ты?! Алая лента имеет совершенно другое предназначение. Вернее, ею можно задушить, как и любой другой. Цвет указывает, как к жертве относился убийца. Алая лента на суде Всевышнего покажет, что ее обладатель – предатель и не достоин хорошего посмертия. Эта традиция вышла из гарема, там было принято душить изменивших султану наложниц алой лентой. Поэтому быть задушенным такой лентой оскорбительно, ведь это приравнивает удушенного к изменившей женщине...

Нарим хотел еще что-то добавить, но я уже все поняла, да и впереди показались всадники, которых я пока не могла рассмотреть, но они приковали к себе все мое внимание. Совсем скоро стало понятно, что возвращается отряд охранников. Было заметно, что один из всадников отставал. Как позже все мы узнали, окружить нападавший сброд, а потом методично его выбить для этих вояк не составило никакого труда. Однако один из разбойников все же успел отправить отравленную стрелу, и сейчас тот самый отстающий охранник находился под пристальным вниманием лекаря.

Зарух с Фахримом наперебой пытались вытащить из вернувшихся подробности, а потом так же наперебой обвиняли их, что те убили всех разбойников, не оставив никого, кто смог бы рассказать, кто их нанял. А в том, что так и было, после истории с ядом в ране принца никто не сомневался. Глава охраны Зурим на это лишь пожал плечами и ответил, что когда они отправились в погоню за посмевающимися напасть на принца смертниками, он не знал о яде и отравленных стрелах. А потому не посчитал нужным разговаривать с обычными разбойниками, коих в этих лесах наверняка немало.

Тут же был создан небольшой военный совет, состоящий из Фахрима, Зурима и Алгала – главы личной охраны принца, который теперь очень сожалел, что не участвовал в операции по разгрому разбойников. Эта бравая троица постановила, что теперь ни Зарух, ни кто-либо еще из каравана не будет удаляться от него ради развлечения. А каждые несколько часов вперед будут пускать разведчика. Почему не сделали этого раньше, позже мне открыл Ромич, сказав, что дороги Тализии считаются гораздо безопаснее Туранских, и охранники просто-напросто расслабились и утратили бдительность. А если начистоту, то Зурим с Алгалом просто никак не могли поделить старшинство в отряде. Для меня стало загадкой, почему это для них такая проблема, ведь отряд Алгала должен охранять Заруха, а отряд Зурима – купеческий караван. Все остальное – совместными усилиями при необходимости. Но у всех свои заморочки.

Заруха страшно возмутил запрет на свободное передвижение, он долго пререкался с «военным советом», яростно жестикулируя, но здравомыслие все же взяло верх и, насупив-

шись, он пошел кормить свою лошадь. Я же решила сходить к лекарю и узнать о состоянии раненого и предложить свою помощь, если это будет необходимо.

Когда я подошла, раненный уже отдал душу Всевышнему, и Дон Кихот закрывал его глаза. Оказалось, что охранника ранили не обычной стрелой, а отравленной. Она угодила ему в бок, яд проник слишком глубоко в тело, отчего у него отказали внутренние органы. Утешало – хотя какое это утешение? – лишь то, что, умирая, парень не испытывал боли. Я, побледнев, остолбенела. Лекарь, к моему удивлению, тоже словно онемел. Просто не верилось, что буквально недавно этот парень был жив и даже о чем-то зубоскалил со своими товарищами, победил шайку разбойников и возвращался в лагерь на коне. Совсем недавно... А еще подумалось, что здесь могла лежать я... Невидящим взглядом я посмотрела вдаль... Наверное, лишь расстояние не дало разбойникам прицелиться точнее, а наше желание повернуть обратно подстегнуло их действовать. Ведь вот она – цель! И ни одного охранника рядом...

Я настолько погрузилась в мысли, что очнулась только от того, что кто-то тряс меня за плечо и звал по имени:

– Лей! Лей! Ты чего?

– А?

Я огляделась и поняла, что далеко отошла от стоянки каравана, а обеспокоенный Нарим смотрит на меня полными тревоги глазами.

– Я тебя звал, звал, а ты шел по полю, как будто меня не слышал.

– Извини, – окончательно вернувшись в действительность, пояснила, – я не слышал. Задумался...

– Понимаю... – ответил мальчик, отведя взгляд. – Караван вот-вот тронется в путь.

И мы побрели обратно, шагая ближе друг к другу. Почему-то хотелось ощущать рядом теплое плечо друга.

Глава 5

Последовавшие за этим происшествием дни оказались на удивление спокойными. Никто на нас не нападал, а встреченные люди излучали лишь интерес, подчас смешанный с опаской. Через четыре дня пути мы вошли в большой город, встретивший караван мощеными улочками и непривычным гомоном. Его двухэтажные каменные дома с многообразием цветов на небольших балкончиках меня весьма впечатлили, в нем было уютно, аккуратно и даже не грязно – горожане выносили нечистоты в специальные места. Но некоторые улицы были настолько тесными, что две соседки из домов напротив, ругаясь, умудрились вцепиться друг другу в волосы, стоя на своих балкончиках.

В городе мы задержались на три дня, так как наш покровитель решил приодеть Нарима, все-таки он будет учиться в заведении для дворян, а в том, что на нем надето сейчас, мальчик больше напоминал не слишком зажиточного горожанина. Я уже научилась обращать внимание на подобные нюансы и по тому, как выглядели местные, судила о них со знанием дела. А еще мне почему-то казалось, что Фахрим не задумывался о подобных вопросах до того, как Зарух довольно нелицеприятно выразился о внешнем виде Нарима, и решил исправиться, видимо, поняв, что выпадает из образа заботливого дядюшки.

Понятно, что закупиться в этом городе обойдется гораздо дешевле, чем в Марлеме, рядом с которым и стоит замок, в котором располагается ТУШка. Поэтому мы с профессором тоже воспользовались подвернувшимся случаем и отправились к портному и сапожнику, где решили обновить наши с Ромичем гардеробы согласно моде. Отец выделил достаточно денег на эти расходы, а я в который раз с теплом подумала о родителях: они всегда хотели, чтобы у их детей было все самое лучшее, и делали для этого все возможное.

Эх, как они там? Как там мои братики Мамук и Мират? Как же я по всем соскучилась!

От подобных мыслей меня отвлек ехидный голос Заруха, который отправился к портному вместе с нами:

– Чего ты так уставился на эти кружева? Может, еще платье себе закажешь?

Я только сейчас обратила внимание, что стою перед витриной с кружевом, но, вопреки ожиданиям вредного мальчишки, не повелась на провокацию:

– Не закажу, но добавлю к выходной рубашке небольшую изюминку в виде кружевных манжет и воротничка, думаю, будет хорошей идеей.

Наряды принца сильно отличались от тех, что были приняты в Тализии. Сейчас его одежда состояла из свободных штанов, рубахи с широким отложенным воротничком и одетого поверх нее яркого, вышитого узорами шелкового кафтана до колен, подпоясанного красным шелковым кушаком. На голове принца было что-то похожее на тюрбан, от которого конструкция отличалась лишь тем, что на макушке имелось нечто похожее на колпак, красиво заломленный набок. Это был выходной костюм принца, который он надел по случаю прибытия в город. В дороге его обычный наряд был другим, более удобным для путешествия: те же широкие штаны, но рубаха без ворота, а поверх нечто вроде куртки с рукавом до локтя и длиной до середины бедра, которая подпоясывалась широким, но более коротким кушаком. На голове был вполне обычный тюрбан.

– Ты, кстати, не думал приобрести тализийский костюм? – спросила я Заруха.

– Зачем? – искренне удивился он.

– Ну, не знаю, для коллекции, например, – пошутила, но тут же сообразила, что моего юмора явно не поняли.

– Какой коллекции? – нахмурился собеседник.

– Нарядов народов мира. – По взгляду Заруха я поняла, что сейчас последует какая-то неадекватная реакция, а потому, чтобы как-то сгладить свой промах, поспешила добавить: – Я имел в виду, может, ты захочешь как-нибудь погулять по Марвелю инкогнито...

– Принцу Турации не пристало изображать из себя того, кем он не является, и менять свое облачение без веской на то причины. – Ответил мне мальчик, но было видно, что призадумался.

Я же воспользовалась этим и отошла к портному, чтобы заказать изменения, которые только что озвучила Заруху. Разумеется, это касалось только парадно-выходного комплекта рубашек. А еще я решила попросить вышить на всей своей одежде красиво переплетенные буквы ЛДР, Лейла дочь Ратмира, для всех остальных эти буквы будут значить Лейсим Далейтримский, кем я стала по документам, сделанным мне профессором. Самое интересное, что дворяне Далейтримские и правда существовали, и даже были в некоем далеком родстве с профессором, поэтому даже если какая-то проверка моего имени все же будет, то есть большая вероятность, что пройдет успешно.

Почему я решила вышить свои инициалы? Все просто. Форму нам никто выдавать не будет, ее там просто не предусмотрено. Каждый будет ходить в том, что привез из дома, а если дело касается бедных одаренных, то в том, что им выделит корона. Все вещи мы будем отдавать стирать прачкам, и я не хотела, чтобы мои нечаянно поменяли с другими. А если совсем уж честно, то мне просто понравилось, как в фильме про мушкетеров дама теряла свой платок с вышитыми инициалами, и мне показалось, что ввести такую моду в этом мире было бы неплохо. Да и как девочке просто хотелось украсить свои мальчишеские наряды хотя бы так.

Заказав у портного все необходимое и потратив на это и на обмер добрых два часа, мы, наконец, вышли на улицу.

– Ну что, молодые люди, – обратился к нам профессор, – теперь к сапожнику. – Мы с парнями дружно скривились, а проф улыбнулся. – Ладно, давайте найдем лоточника и купим вам по пирожку, а то, смотрю, вы уже успели подустать, и нужно восполнить ваши силы.

Настроение сразу поползло вверх. Все-таки иногда профессор бывает очень милым и внимательным. Хотя я не исключала, что он просто сам устал от магазинов и проголодался.

Весело переглянувшись, мы направились за стариком, а замыкали наше шествие два охранника.

– Шагай шире, – толкнув меня локтем в бок, в самое ухо проговорил Зарух.

Я даже споткнулась от бестактности мальчишки, но вовремя вспомнила о нашем уговоре, что он будет мне помогать выглядеть мужчиной, и стала делать шаги больше. Присмотревшись к парням, заметила, что они при ходьбе больше двигают корпусом, а не бедрами, как девушки. Немного поэкспериментировав, приноровилась к новой походке. Взглянув на Ромича, заметила, что он искоса за мной наблюдал и одобрительно прикрыл глаза, встретив мой взгляд. Воспрянув духом, я начала всматриваться в окружающих меня людей, ища, что бы еще такое мужское перенять. Но ни до чего не успела додуматься – мы вышли на главную площадь города. Профессор без труда нашел лоточницу и купил у нее по два пирожка с клубничным вареньем каждому из нас. Пирожки были довольно большими, и мне вполне хватило одного, чтобы почувствовать себя сытой и полной сил, а вот голодные глаза Ромича говорили, что двух ему явно было мало. Бедняга, и куда в него столько лезет? Поэтому, даже не спрашивая, я отдала ему свой.

Оглянувшись, увидела суженные глаза Заруха. И совершенно не поняла, что опять сделала не так. Демонстративно вопросительно округлила глаза. Ответом мне стал лишь гордый поворот головы в сторону и взгляд куда-то прочь. Мол, отойди смертная, Боги думу думают, и отвечать на глупые вопросы не собираются. Я же на это демонстративно закатила глаза, показывая, как отношусь к его закидонам, и отвернулась к Ромичу. Ну а тот, наблюдая за нашей пантомимой, выражал полное недоумение, не забывая жевать пирожок.

– Лей, смотри, там, кажется, выступление намечается, – махнул он рукой куда-то в центр.

Присмотревшись, я поняла, что так и есть. Поначалу мы не обратили внимания на пеструю повозку, а теперь увидели, что там кто-то то ли танцует, то ли делает какие-то акробатические номера. Потом до нас донесся и голос бородача, что поначалу молча стоял в стороне.

– Дамы и господа! Бродячий балаган имени Шмейера рад приветствовать вас в этом замечательном городе! Прямо сейчас перед вами выступят акробаты, жонглеры, танцовщица из самого загадочного Фархата, известный во всей Тализии бард и даже театр марионеток. Подходите! Подходите! Представление начнется прямо сейчас!..

Мы как замороженные готовы уже были пойти на этот зазывающий голос, как скептическое замечание Заруха сбило весь настрой:

– Паршивый же это, видать, балаган, раз они даже плохонького шатра или настила не соорудили. Даже интересно, что представляет собой танцовщица из Фархата.

Ответить ни я, ни Ромич просто не успели – профессор как раз доел свою порцию пирожков и заявил, что нам пора идти к сапожнику. Но, посмотрев на мою расстроенную мордашку, смягчился и пообещал вернуться к балагану сразу же после визита к мастеру. Там мы, к своему удивлению, пересеклись с Фахримом и Наримом и после обмеров отправились на площадь все вместе, где как раз завывал какую-то по местным меркам задорную – а по моим жутко нудную – песню бард. Некоторое время мы постояли, глядя на него, посмотрели на пышную деву, пытавшуюся танцевать рядом в легких псевдо фархатских одеждах, которые закрывали практически все что нужно и соответствовали почти всем нормам приличия Тализии, и лишь слегка намекали на нечто фривольное, и, переглянувшись, разочарованно вздохнули. Все-таки мы надеялись хоть на какое-то развлечение.

– Знаешь, Лей, даже та песня и танец, что ты исполнял на корабле, кажутся просто вершиной мастерства по сравнению с этим, – внезапно выдал Ромич.

Ну вот зачем он вспомнил об этом?! Сейчас Зарух окончательно запишет меня в неисправимые «девчонки» и перестанет помогать «исправиться»!

Однако реакция парня меня удивила:

– Ты умеешь петь? – вполне миролюбиво спросил он.

– Умеет-умеет, – самодовольно подтвердил за меня Ромич, как будто это его личная заслуга.

Зарух ждал ответа лично от меня и после реплики Ромича даже не подумал отвести взгляд.

– Д-да? – почему-то ответ вышел с вопросительной интонацией.

Зарух его принял и задал новый вопрос:

– И танцуешь при этом?

Честно говоря, мне надоели эти вопросы и состояние собственной неуверенности. Поэтому ответила я раздражённо, даже и не думая смотреть на принца, с недоумением при этом наблюдая за танцовщицей, которая внезапно бухнулась на колени и пыталась двигать плечами, как земные цыганки. У нее получалось из рук вон плохо, да и музыка совершенно не подходила подобным телодвижениям.

– Ой, да какие там танцы?! Так, два прихлопа, три притопа.

– Покажи!

– Что, прямо здесь? – все же повернулась я к нему всем телом, начиная откровенно закипать.

– А какая разница где?

Я чуть не подавилась от возмущения. Но так и не вырвавшуюся в ответ тираду прервал Фахрим:

– Лей, разве ты не слышишь, что тебе принц велит?

Меня аж передернуло от его визгливого голоса, и про себя я решила, что не буду петь ни при каких обстоятельствах. Тоже мне, нашли обезьянку: выйди и спой им, да еще и станцуй посреди полной народа площади! От озвучивания точного описания пути, куда они все могут идти со своими приказами и пожеланиями, меня отвлек тихий голос профессора:

– Лей, мальчик мой, я прошу тебя, спой для нас.

Поначалу я не поняла подобной просьбы со стороны профа, однако, оглянувшись, осознала, что внезапно оказалась в полуколыце охранников Заруха и Нарима, и те смотрели на меня с вполне читаемой угрозой. Псевдо-танцовщица тоже заметила какие-то враждебные действия и перестала потрясать телесами. А до меня внезапно дошло, что из охранников эти бравые ребята как-то резко превратились в тюремщиков. Зарух из странного, но все же приятеля – в палача, по воле которого эти, кажется, уже такие привычные и понятные люди могут в долю секунды меня скрутить. Ромич и профессор из хозяев ситуации – в простых статистов, с мнением которых никто и не подумает считаться, а Фахрим... Фахрим так и остался Фахримом. Ничего хорошего я от него и так не ожидала.

Поглядев в глаза Заруха, я спросила:

– Ваше Высочество, вы настаиваете на том, что мне нужно выйти и спеть здесь, посреди площади?

Почему-то вопреки ожиданиям я не столько злилась на ситуацию, в которую попала, сколько была обижена на Заруха и впервые со дня нашего знакомства перешла на обращение «вы». Почему-то, несмотря ни на что, этот мальчишка мне нравился, и я даже успела записать его в друзья, хотя никому в этом точно не призналась бы, а он... Он хотел моего публичного унижения. Я чувствовала это! Почему? За что? Хотя... Пожалуй, мне это уже неинтересно.

Последняя мысль совпала с утвердительным кивком принца. Я видела, что он прекрасно понял, о чем я подумала, и его губы дрогнули в попытке что-то сказать, но в последний миг он сдержался.

– Да спой уже, малец. Чего уж, – проговорила, тяжело вставая с колен, танцовщица, которая прекрасно слышала нашу перепалку, – принцам не перечат. – И она отвесила Заруху поклон. – Жильгер, заканчивай выть, господа петь изволят!

Да уж, приласкала танцовщица своего компаньона, так приласкала, ничего не скажешь. А я спою, только уж точно не то, о чем меня просили.

Меня наполнил какой-то злой кураж. Хотели моего унижения, принц? Не выйдет!

Я вошла в круг, образованный возле барда и его танцовщицы, и спросила:

– Бубен какой-нибудь есть? – Разумеется, он нашелся. Все же это бродячие музыканты. – Что ж, господа хорошие! – раздался мой звонкий голос над толпой, а я буквально почувствовала таким удалым цыганом. – Спою вам песню вольную, вольную да веселую!

Весело загомонил в руках бубен, а в голове появилась знакомая мелодия русского романса «Дорогой длиною», которую почему-то навевали неумелые потуги танцовщицы.

Ехали на тройке с бубенцами,

А вдали мелькали огоньки.

Эх, когда бы мне теперь за вами,

Душу бы развеять от тоски...

Во время песни я активно помогала себе бубном и притопывала ногами. Горе танцовщица тоже не растерялась и вполне успешно помогала мне завести публику своими телесами, под конец, бухнувшись и начав двигать плечами. Видимо, считая этот финт своим коронным номером. Я, решив ее поддержать, на последнем припеве встала на одно колено и с блеском в глазах продолжила колотить в бубен, отчего пышечка стала стараться еще больше, а мужчины, стоявшие в первых рядах, придвинулись к нам как минимум на шаг. В моем мире народ над подобной самодеятельностью посмеялся бы, а то и просто откровенно поржал, а здесь ничего, хлопали от души. Да-а, не избалованы местные, совсем не избалованы. Закончила я

свое выступление, подняв раскрасневшуюся и запыхавшуюся танцовщицу на ноги и вручив ей бубен. Все это время я демонстративно не смотрела в сторону своих друзей и провожатых, а потому не видела их реакции. Но меня это сейчас мало волновало.

– Давайте, господа хорошие, отблагодарим эту талантливую танцовщицу звоном монет, и она, я уверен, сегодня еще удивит вас! – проголосила я напоследок.

А не растерявшаяся дева тут же пошла вдоль плотного ряда зрителей, собирая в бубен довольно неплохие подношения. Я же, пользуясь тем, что вектор внимания сместился, отошла за повозку, где народа не было вовсе, скрылась на близлежащей улице и сразу же направилась к гостевому дому, в котором мы остановились. В этом мире одинокому ребенку сложно выжить и не попасть в неприятности. Да и не ребенок я уже, чтобы так глупо поступать. Просто хотелось немного побыть одной, осмыслить произошедшее и себя в том числе. Все-таки я никогда не была такой смелой, чтобы выступать перед целой толпой, а тут вон как раздухарилась. Да, этот мир менял меня, и чаще всего мне это нравилось.

Но за этими мыслями я прятала то, что действительно меня волновало: Зарух... Не ожидала от него такого. Но что стало причиной? Ведь не просто так он захотел увидеть мое унижение на глазах друзей. Только вот просчитался. В маленьком худом пацаненке, так походившем на девчонку, оказалось слишком много гордости и злого куража, чтобы стусеваться и сдаться. Хотя, думаю, ему хватило бы и того, чтобы я просто вышла и проямлила что-то невнятное. Эх, Зарух, Зарух! Не ожидала я от тебя такого, не ожидала... Но хуже было то, что теперь мне совершенно не хотелось разбираться в его мотивах и поддерживать дружбу, или то, что все это время нам ее заменяло.

***

В гостевом дворе я сразу увидела у входа одного из охранников.

– Слушай, наверное, будет лучше, если ты сейчас пойдешь на главную площадь, найдешь там своего хозяина и скажешь ему, что я вернулся в таверну. – В глазах парня читался вполне резонный ответ, что я, мол, не его хозяин, чтобы отдавать ему распоряжения. – Поверь, тебя отблагодарят за эту новость.

Я запоздало вспомнила, что там остались люди, к которым я хорошо отношусь и которые, наверное, сейчас волновались. Охранник все же отлип от стены и, угрожающе глянув в мою сторону, мол, попробуй только обмани, малец, отправился на площадь.

А я пошла на конюшню к своей Звездочке, к которой за время путешествия успела прикипеть душой, которой всегда можно пожаловаться на ушко на этих неотесанных мужиков и с которой можно порадоваться новому дню и незабываемому ощущению ветра в волосах. За время путешествия я научилась за ней ухаживать, чистить, кормить и даже заплетать гриву, и сейчас мне захотелось просто побыть с ней рядом, обняв теплую шею животного. Не забыла я и о лакомстве для подружки – яблоках, которые купила за пару медяшек у местного конюха. Конечно, я знала, что после самоволки меня ждет разнос, а потому тяжело вздыхала, рассказывая Звездочке свою историю и жалуясь на всех на свете.

Разумеется, мне и попало, и профф запретил покидать комнату до самого отъезда. Ужин мне тоже принесли в комнату, а все остальные ели и общались в общем зале. Наверное, будь воля профессора, он бы запер меня в одиночной ка... то есть номере на одного человека – так сильно он испугался и был на меня зол. Но нас снова заселили втроем с Наримом и Зарухом, так сказать, принца и его миньонов.

Перед ужином ребята зашли в комнату. Нарим был страшно расстроен всей этой историей, но я видела, как его подмывает расспросить меня о такой веселой ни на что не похожей песне, но он сдержался, лишь крепко сжав мое плечо перед уходом в знак поддержки. Зарух же добил меня окончательно. Он подождал, пока Нарим покинет комнату, жестом величайшего

одолжения и с чувством собственной значимости снял со своего пальца кольцо и, протянув его мне, сказал:

– Лей, ты сегодня меня порадовал, я еще никогда не слышал ничего подобного. Возьми, это знак моего высочайшего расположения.

Мои брови взметнулись вверх, поглазев некоторое время на колечко в руках принца, я все же его взяла. Как-никак он особа султанской крови, и если сейчас я не приму его дар, то оскорблю до глубины души, а я совсем не желала делать туранского принца своим врагом. Но и рисовать на лице бурную радость тоже не собиралась.

– Спасибо, Ваше Высочество, за столь ценный дар, – склонила голову.

Зарух некоторое время продолжал стоять и смотреть на меня, видимо, ожидая каких-то еще действий или слов, но все же вышел из комнаты. И слава Всевышнему, а то его колючий взгляд стал уже надоедать. Потом меня навестил Ромич. Прямо паломничество какое-то устроили, честное слово!

– Лей, Лейла, я не хотел, чтобы так получилось! – с порога начал он. – Честное слово! Я и сказал-то про твои таланты, только чтобы повысить тебя в глазах окружающих!

– Каким образом, Ромич?! – не выдержав, воскликнула я.

Что греха таить, я была в обиде на него за те несвоевременные слова о моем пении.

– Ну как? В Турании умение петь очень ценится, особенно среди мужчин. А уж если поющий из высшего сословия, то его всегда будут рады видеть при дворе султана!

– И откуда ты только об этом узнал? – недоумевала, потому что совершенно не знала о подобных культурных особенностях.

– Мне Рурх, тот охранник, с которым мы везли треклятую сбрую из Ворвеля, рассказал по дороге. И даже спел, говоря, что будь он из высшего сословия, то с таким голосом мог бы бывать на вечерах у самого султана.

Я на это лишь тяжело вздохнула. Повысить мой рейтинг в глазах туранцев он хотел... Эх, да что с него возьмешь? Ведь и правда ничего дурного не хотел, да и вышло все в конечном итоге не так плохо, как могло бы.

– Ладно, Ромич. Ты только больше так не делай, хорошо?

Парень на это лишь сконфуженно кивнул. Мы немного постояли друг напротив друга, а я внезапно поняла, как мало мы с ним общались в последнее время, и как я соскучилась по нашим простым и открытым отношениям. А потому подошла еще ближе и чуть качнувшись, уперлась макушкой в его грудь.

– А меня проф отругал... – внезапно с обидой пожаловалась я.

– Сильно?

Ромич начал поглаживать мою спину.

– Сильно, – закивала я, – и даже наказал.

– Как? – напрягся парень.

– Посадил под домашний арест до самого отбытия из города. Даже еду мне сюда приносить будут... – Я, наконец, не выдержала и подняла на него обиженные глаза.

Ромич на это лишь выдохнул и прижал меня к себе крепче:

– Ты хоть представляешь, как мы перепугались, когда ты исчезла с площади?

Я поникла еще больше. Все же я повела себя совсем безответственно. Ромич уже двумя руками с силой погладил меня по спине и выдал:

– Профессор себе от переживаний шевелюру проредил. Даже у меня рвать пытался. Я еле отбилась! Честное слово! Хотя вот здесь, ну или если поискать, то вот здесь пары волосков точно не хватает! – демонстративно начал он перебирать свои волосы.

Я легонько ударила его кулачком в грудь и улыбнулась сквозь откуда ни возьмись взявшиеся на глазах слезы:

– Выдумщик!

– Слушай, а откуда ты знаешь ту песню? Вся площадь просила ее повторить, слова там простые, и бард вполне сносно их воспроизвел и даже что-то наиграл на лютерне⁸. Конечно, у тебя получилось гораздо лучше и задорней, но народу и как спел бард понравилось. А когда прослышали, кто ты и как сбежала, то тут же нарекли «Песней беглого графа»...

Невольно я улыбнулась. Приятно, черт возьми!

– Да так, во сне увидела, – ответила я и снова нахмурилась, вспомнив подоплеку всей этой истории.

Ромич, уже привыкший к моим странностям, лишь с улыбкой покачал головой и тихонько щелкнул меня по носу:

– Не вешай нос, Лейла! Прорвемся!

– Угу, у нас просто нет другого выхода.

– Точно!

И, чмокнув в макушку, он вышел прочь, оставив меня уже в совершенно другом настроении.

---

⁸ Лютерна: струнный музыкальный инструмент, похожий по форме на лютню, но с плоской, как у гитары, задней стенкой.

Глава 6

На ужине ребята задержались, а я и не ждала их, легла на свою кровать, вполне удобную, и заснула, измученная долгим, полным на переживания днем. Но нормально выспаться мне никто не дал.

– Лей! Лей! – почти прокричал мне в ухо Нарим. – Проснись!

– Да не кричи ты! – разлепила я глаза, посмотрела на окно и поняла, что до рассвета еще далеко. – Что случилось?

– Мне кажется, Зарух умирает!

– Ч-чего?! – я даже заикаться начала. Поглядела на спящего Заруха, но ничего, что указывало бы на его скорую кончину, не заметила.

– Я знаю, что это звучит дико, но... Ммм... – Мальчишка скривился и замычал, будто борясь с собой. – Я обещал матери никому не говорить до самой ТУШки, понимаешь, но... – видя мой совершенно непонимающий ошарашенный взгляд, он еще несколько секунд колебался и решился. – В общем, у меня Дар! При желании я вижу не человека, а как бы его второе тело поверх него самого, только разноцветное, пульсирующее и постоянно меняющееся, а еще потоки энергии внутри тела, но это сложнее.

– Ты видишь ауры людей? – Нне сдержала я восхищенного возгласа.

Мальчик явно растерялся:

– Ауры? Н-наверное, я называю их вторыми телами. И еще я могу на них влиять, иногда... Но изменения вижу всегда.

Я чуть не закричала «Круть! Класс! Офигеть! Очешуеть!», причем на родном русском языке, но вовремя опомнилась и выдала вполне местные восторги:

– Но это же здорово! С такими знаниями ты будешь самым лучшим лекарем!

– Не все так просто... – погрустнел Нарим, но тут же встрепенулся. – Но я не об этом! Лей, я вижу, что аура Заруха стремительно темнеет и затухает! Такими темпами до утра он не доживет!

– И как давно это с ним? Он на что-то жаловался перед тем, как заснуть?

– Не знаю, я не особенно обращал на него внимание после того, как он заставил тебя выступать на площади. Я знаю, что у нас считается честью выступить перед султаном или принцем, но то, что Зарух настоял на выступлении высокородного человека на площади на потеху толпе, несмотря ни на что, выглядит как намеренное унижение. На что он только на тебя взъелся? Ведь, кажется, еще утром был вполне к тебе расположен!

– Нарим, поверь, сейчас это уже совершенно неважно! Что с Зарухом?

– А? Н-ну да. После ужина он пришел какой-то притихший, а потом и вовсе бухнулся, не раздеваясь, и заснул. Особый взор я использую не всегда, вот и не обратил внимания – мало ли что принцу надумалось? Но... Понимаешь, я чувствую, когда рядом кто-то умирает. Я был совсем маленьким, когда уходил на встречу со Всевышним отец, но это чувство намертво въелось в память, и я его ни с чем не перепутаю. Сейчас именно это чувство меня разбудило и заставило осмотреть вас с Зарухом.

– Что это может быть? – уже на ходу спрашивала я, пытаюсь растормошить Заруха. Тщетно, мальчишка и не думал просыпаться. А я заметила, что у него посинели губы. – Неси сюда свечу! – скомандовала еще не успевшему ответить Нариму. – Смотри, у него губы посинели!

Не без труда раскрыв рот, я убедилась, что посинел и язык. Зарух лишь что-то промычал, но так и не проявил никакой активности.

– Яд... – прошептал Нарим.

И мы, быстро глянув друг другу в глаза, без труда вспомнили наш разговор о том, что тот, кто хотел убить принца, находится среди нас. И вот он активизировался и, возможно, уже достиг своей цели.

– Что за яд? Ты знаешь?

– Похоже, что это Болотная черница, в народе именуемая Вечный сон. Славится тем, что убивает в течение двенадцати часов, жертва просто засыпает и уже не в силах проснуться. При этом у нее чернеют губы, язык и ногти.

Мы дружно посмотрели на руки мальчика и убедились, что Нарим правильно поставил диагноз. Откуда у него такие обширные знания в области ядов? Вопрос-вопрос. Только сейчас не до этого.

– Его можно излечить?

– Противоядие существует, но оно настолько редкое, что я только слышал о нем.

– Беги к лекарю! Вдруг у него оно есть! И позови Фахрима с Профессором. Может, они будут чем полезны.

Нарима как ветром сдуло. Я осталась с мальчиком, почему-то боясь оставить его одного даже на минуту, сидела рядом, смотрела на Заруха, на то, как он таял прямо на глазах, и понимала, как мелки все наши обиды и недопонимания перед ликом смерти... А еще почему-то в голове всплыла цитата из «Мастера и Маргариты» Булгакова: «Да, человек смертен, но это было бы еще пол беды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!» Так и здесь. Ничего ведь не предвещало... Кто же так хочет тебя убить, Зарух? Кто сегодня за ужином тебя отравил? Ведь, судя по времени действия яда, это случилось вечером. А я даже не видела, кто сидел рядом за твоим столом и что ты ел. Но прямо сейчас все это неважно. Как же тебя спасти, горе ты луковое, высокомерие ходячее?!

Слезы сами собой навернулись на глаза, и я со злостью их стерла. «Думай, Лиза-Лейла-Лей, чем ты можешь помочь мальчику! Вспоминай свой жизненный опыт под тремя личинами!» – беззвучно шептала я себе под нос. На Земле при отравлениях первым делом промывают желудок. Но поможет ли это сейчас, когда прошло уже несколько часов? Неважно! Если у лекаря не найдется антидота, попробуем и это! Потом дают сорбент, что-то типа активированного угля. Только где здесь взять активированный уголь? И как его вообще активируют?! Этого я даже приблизительно не знала. А подойдет ли для этого дела обычный, не представляла совершенно, но подозревала, что нет.

Наконец, прерывая мои суматошные мысли, в комнату ворвались бледный Дон-Кихот с чемоданчиком и всклокоченный Фахрим в сопровождении Нарима и профессора.

– Что случилось? – Быстрыми нервными движениями начал осматривать Заруха лекарь.

– Он отравлен, господин лекарь! – раздался взволнованный голос Нарима.

– Да... – задумчиво протянул тот в ответ, рассматривая посиневший язык принца, – видимо, так и есть.

– Вот! – я взяла неподвижную руку мальчика и показала на посиневшие ногти.

Лекарь тут же ее перехватил, поднося ближе к глазам, и в этот момент наши пальца соприкоснулись. Закрыться или хоть как-то отгородиться от чужих эмоций не было никакой возможности, мои собственные были слишком уж неустойчивы. Да и не хотелось, потому что на интуитивном уровне я хотела проверить этого человека, и сейчас был самый лучший момент, потому что не думать о произошедшем и своей роли в этом Дон Кихот сейчас просто не смог бы. А просто так копаться в чужих воспоминаниях я не умею.

Шепот, тихий шепот в самое ухо:

– Султан уже знает о даре твоей племянницы, а ведь ей всего семь. Еще столько лет впереди, чтобы решить, что ее дар нужен кому-то другому.

– К-как? – спросил совершенно сбитый с толку мужчина, который только что вышел в коридор после того, как лечил ссадину младшего принца. Он позволил завести себя в небольшую уединенную нишу.

Перехвативший его старший принц лишь коротко рассмеялся в самое ухо:

– Не знаешь? Ну, конечно, не знаешь. Даже пуценный слух о наличии такой тайны может стоить слишком дорого. – Рука принца с силой сдавила предплечье лекаря. – Но я знаю, что ты слишком благоразумен, чтобы лишний раз даже думать о том, что я сейчас расскажу, не то чтобы кому-то поведать эту тайну.

Совершенно дезориентированный и уже изрядно напуганный мужчина лишь судорожно кивнул. Принц в красках поведал ему о том, что при желании и султанском повелении дар его горячей любимой единственной племянницы можно передать любому другому человеку, и что сама девочка после этого станет существом без проблеска разума. Разумеется, и жизнь такому человеку незачем, так что подобная операция – это смертный приговор. Принц шептал долго, то сжимая предплечье мужчины, но отпуская, что лишь усиливало эффект от его слов. Фатима, племянница мужчины, была единственным оставшимся в живых ребенком его сестры. Всех остальных, как и ее мужа, выкосила внезапно вспыхнувшая пять лет назад в городе эпидемия. Да и женщина с ребенком спаслись лишь потому, что ездили к нему в гости во дворец на несколько дней, так как мальчика простудилась, а сестра не доверяла ее лечение никому, кроме брата. Вот они и остались жить у него с разрешения султана. Так случилось, что никого ближе этих двоих у него на свете не осталось. С женитьбой не сложилось – все по молодости некогда было. Для утех хватало и наложниц, а потом выяснилось, что сам детей он иметь не может. Так для чего вообще жениться? – рассуждал он.

Что будет с его сестрой, когда подобное случится с Фатимой – страшно даже представить! Она и так чуть умом не тронулась после той страшной трагедии. Если все случится, как говорил принц, то он лишится последних близких. Он очень любил мальшкку Фатиму, в глазах потемнело от одной только мысли, что с ней что-то может случиться.

– Вы как-то можете помочь? – осипшим, и от того чуть слышным голосом спросил он.

– Только для этого я и поведал тебе эту страшную тайну, – довольный собой, улыбнулся старший принц Хабиб.

– Как? – сглотнул появившийся ком в горле лекарь.

– Я возьму ее в свой гарем, когда она подрастет. Отец поощряет такие связи и детей от них, ты сам знаешь. Твоя племянница никогда не будет знать нужды, как и ее дети.

– Но если султан все же решит найти ее дару другое применение...

– Я старший принц крови! – жестко оборвал его юнец. – И отец считается с моими желаниями!

Лекарь был далеко не глуп, а потому прекрасно понимал, что принц решил ему помочь отнюдь не по доброте душевной, и встретился с ним так странно, чтобы никто, даже слуги, не знали об этом, ведь вызови он его к себе в покои, те, кому нужно, обязательно задались бы вопросом – зачем?

– Конечно, глубокоуважаемый принц! – склонил голову несчастный лекарь. – Я ни в коем случае не умаляю вашего статуса и влияния при дворе и всего лишь хотел уточнить...

Ткать словесные кружева при дворе султана мог каждый, и сейчас за ними мужчина прятал деятельную работу мысли. Для чего он нужен старшему принцу? В свете скорой поездки Заруха в университетскую школу Тализии напрашиваются не самые оптимистичные выводы, и то, что сказал ему Хабиб, чуть не выбило почву из-под ног мужчины:

– Что ж, тогда ты должен знать, что за подобную услугу я тоже потребую немало. Все-таки твоя племянница откровенно некрасива, и ее спасение не принесет мне удовольствия. – Задумавшись, немного ушел от темы принц, но, вострепнувшись, продолжил. – Так вот, Зарух не должен доехать до школы. Это понятно?

– Т-то есть? – до последнего не желая понимать вполне прозрачный намек Хабиба, спросил мужчина.

– Он должен умереть в Тализии по дороге в школу! – Яростно зашипел принц. – Только тогда я стану помогать твоей племяннице! На этот раз ты все понял?

Лекарь до последнего ожидал услышать другое. Убить? Как? Как он сможет убить мальчишку, которого знает практически с самого его рождения? Которому только что обрабатывал разодранную коленку!

На удивление, принц не стал его дожимать прямо сейчас, но с вполне читаемой угрозой снова прошипел в самое ухо:

– Ответ дашь позже, перед отъездом. И не вздумай обмануть или играть со мной, как и распространяться о тайне, которую я тебе поведал! Ты знаешь, при желании моего влияния хватит, чтобы превратить твою жизнь в кошмар.

И он ушел, оставив мужчину наедине со своими демонами.

А вечером Фатима сидела у него на коленях, обнимала тонкими ручками за шею и заглядывала в глаза, пытаясь выведать, отчего ее любимый дядя сегодня в таком плохом настроении. Мужчина смотрел на нее и понимал, что не может допустить, чтобы этот маленький лучик света погас! Он знал, что если совершит злодеяние, то его в любом случае убьют как преступника или не оправдавшего доверие лекаря. Но если никто не узнает, что это сделал он, то ни его сестру, ни Фатиму не тронут, даже, наоборот, присмотрят и назначат пенсию. И сейчас, глядя в ее бездонные карие глазницы, он с обреченностью понимал, что пойдет и на убийство, и на собственную смерть. На все пойдет, лишь бы она жила.

Потом были сборы, плавание по морю, сговор с разбойниками и яд, который он им передал, чтобы они смазали им стрелы. О! Сколько нервов ему это стоило! Однако, за главной целью, убить принца, он как-то совершенно неожиданно для себя не подумал, что, помимо мальчика, может пострадать кто-то еще. Он сам себе позже удивлялся, как он мог об этом не подумать, когда нанимал ту шайку, с предводителем которой его свел староста очередной деревеньки, в которой они отдыхали. Как будто его разум попал в какой-то туннель, он видел цель и маниакально к ней шел. Отрезвление пришло в тот самый момент, когда у него на руках умер парнишка из охраны. Какого труда ему стоило сдержаться и не признаться во всех грехах прямо там. Но воспоминания о племяннице и ее полном обожании взгляде помогли сдержаться, и следующее покушение он спланировал так, чтобы никто, кроме принца, не пострадал. Да и яд в обоих случаях он выбирал так, чтобы мальчик не мучился и не чувствовал боли.

Вечером он специально не появился за ужином, чтобы не навлечь на себя подозрений. Но все же улучил момент, когда служанка выходила из кухни с заказом и, зажав ту у стеночки под видом приставаний, насыпал яд в компот. Он знал, что больше никто за столом не будет его пить. Взрослые предпочитали вино, Нарим компот терпеть не мог, а Лей, тот единственный, кто мог присоединиться к принцу, сидел под домашним арестом. Ему даже удалось некоторое время понаблюдать в щелку, как принц отпивает напиток и, вернувшись в комнату, принялся ждать, вертя в руках пузырек с редчайшим противоядием. Он знал, что заснуть все равно не сможет, так и просидит до утра, пока яд не убьет мальчика.

Сердце с силой бухало в груди, в пальцах был зажат пузырек, который все еще мог спасти жизнь ребенку, а в голове стоял туман. В какой-то момент мужчина понял, что еще немного – и он рванет в комнату к Зарухе, чтобы влить в него противоядие. Но вместе с тем понимал, что в тот же миг потеряет не только свою голову, но и жизни своих близких. В очередной раз посмотрев на бутылочку в руках, он решил, что должен ее уничтожить. Тогда точно не будет дороги назад, и он не упустит шанс спасти свою малышку. Душа несчастного так издергалась и изболелась, что это решение даже принесло ему некоторое облегчение. Руки лекаря дрожали, когда он подносил руку к пробке, однако решимость никуда не делась, поэтому помедлив еще секунду он...

Резкий стук в дверь заставил мужчину вздрогнуть всем телом, бутылочка подпрыгнула в руке и с глухим стуком упал на пол и закатился под кровать. Несколько секунд растерянный мужчина не знал, что делать: то ли заглядывать под кровать за злосчастным пузырьком с антидотом, то ли бежать открывать дверь. Однако настойчивый стук в неурочный час и взволнованный голос Нарима не оставили ему выбора. Поэтому, кое-как успокоившись и сделав сонный вид, он открыл дверь...

Я вынырнула из пронесшихся перед глазами видений и застыла, глядя на человека, что так напоминал мне Дон-Кихота. В голове был полный сумбур из обрывков воспоминаний, его метаний и чаяний и моих собственных мыслей. Лекарь же все это время делал вид, что внимательно осматривает Заруха. Лицо его было бледным, а глаза лихорадочно блестели. Наконец, он повернулся к набившимся в комнату людям и рассказал о диагнозе:

– Принц отравлен ядом Болотной черницы. Это очень редкое растение, которое произрастает на самом юге Фархата, и я даже не могу представить, откуда он здесь взялся!

– Плевать откуда взялась эта зараза! – взвизгнул враз посеревший Фахрим. – Вы можете его вылечить?

– Этот яд может нейтрализовать лишь противоядие, которое добывают из не менее редких лягушек, что живут в тех же болотах. Не поможет ни промывание желудка, ни что-либо еще...

– Уважаемый лекарь, – сложив руки в молитвенном жесте, вдруг совершенно другим, просящим и каким-то обреченным тоном заговорил Фахрим, – скажите, что оно у вас есть!

Да-а, а ведь и ему не сносить головы, если Зарух умрет, ведь именно купцу поручили заботу о принце, пока тот не прибудет в школу. Конечно, можно осуждать лекаря, можно сколько угодно говорить о морали и заповедях Всевышнего, только побывав в его шкуре буквально и прожив вместе с ним небольшой промежуток времени, я поняла, что все не так просто и однозначно. Да что там! Родись я в Турании, то и сама была бы точно в таком же положении, как маленькая Фатима! А еще я осознала, что невозможно делить все на белое и черное, и у каждого своя правда. Можно быть ярым моралистом или добрейшим из людей, но у каждого есть своя Ахиллесева пята. Кто-то может продаться за деньги, очень большие или малые, кто-то делает все ради власти или каких-то жизненных благ, а кто-то готов убить ради близкого человека. Найдутся и те, кто пустит все на самотек, а потом будут всю жизнь упиваться жалостью к себе в какой-нибудь канаве. А может, кто-то и устоит и будет жить с этим и с половиной оставшейся в живых души. Кото-то не поддастся и лишь укрепит в своей стойкости и непоколебимости идеалам. Вариантов бесчисленное множество. И не дай Всевышний нам с этим столкнуться! Но этот мужчина выбрал такой путь, и не мне его судить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.